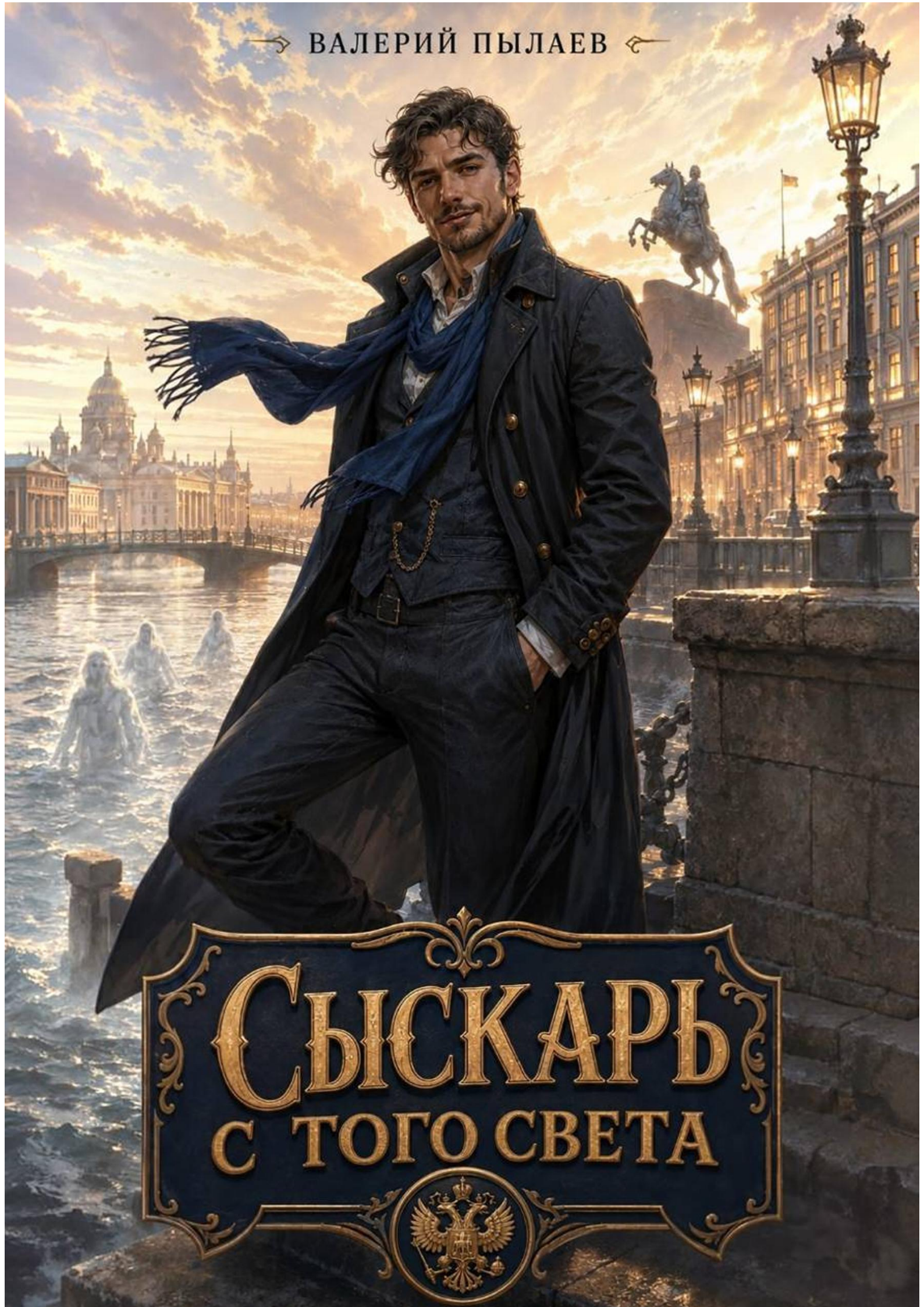

→ ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ ←

СЫСКАРЬ С ТОГО СВЕТА

Валерий Пылаев

Сыскарь с того света

«Автор»

2026

Пылаев В.

Сыскарь с того света / В. Пылаев — «Автор», 2026

Петр Булатов — сыскарь с Гороховой. Толковая голова, крепкие кулаки, острый язык и привычка лезть, куда ни один нормальный человек не полезет. К примеру, в Александровский сад за душегубом, что не боится пули из казенного револьвера. Сомнительная, надо сказать, затея. А последствия — непредсказуемые. И наутро его благородие проснулся в совершенно незнакомом Петербурге, где на рынке торгуют черти, на крышах сидят домовые, а по Фонтанке гуляет дама, которая не отражается в витринах. Они всегда были здесь — просто Булатов раньше не умел видеть. Теперь умеет. И это, пожалуй, наименьшая из странностей, которые с ним случились.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	42
ГЛАВА 9	47
ГЛАВА 10	53
ГЛ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валерий Пылаев

Сыскарь с того света

ГЛАВА 1

— А ты точно попал? В темноте-то поди прицелься... Может, в молоко дал все ж таки?

Я еще раз огляделся по сторонам. Двор-колодез: узкий, темный, глухой, четыре стены в пять этажей и наверху квадрат неба, затянутого тучами. Поленица, чье-то тряпье на веревках, дворницкая с кривой дверью — и ни единого места, куда мог бы спрятаться душегуб.

Так что по всему выходило: удрал, собака такая. Выбил стекло вместе с рамой. Спрыгнул — а тут сажени две, не меньше — и просто ушел. Вместо того чтобы валяться и причитать, как положено порядочному гражданину с пулей в... ну, где там у него эта пуля?

— Да не может такого быть, ваше благородие! — обиженно отозвался Тихон и хлопнул по висевшей на боку кобуре. — Я с двадцати шагов в карту промаху не дам, а тут целый человек!

— Это если человек. — Матвей поправил ремень и перекрестился. — Я с семьдесят третьего года на службе, и ни разу не видал...

— Чего ты там бормочешь? — проворчал я.

Городовой тут же осекся и отвечать не стал. Может, и хорошо, таких разговоров мне сейчас только и не хватало. И так ясное дело, что дело темное.

Из арки мы вышли на Малую Морскую. Два часа пополудни. Ни извозчиков, ни прохожих — ни единой живой души. Только фонари горели через каждые полсотни шагов, и в их мутном свете лужи на мостовой блестели яркими желтоватыми кляксами. Дождь закончился еще вечером, но воды налило столько, что она и сейчас будто нарочно скрывала следы на земле.

Но кое-что все-таки осталось. Я едва не прозевал в спешке и лишь краем глаза успел заметить отпечаток на стене. Темный, длинный — явно мазнули рукой на ходу.

— Значит, тут он и шел. — Я опустил на корточки, достал из кармана спички и чиркнул. — Правда, попал Тихон... И куда надо попал.

Дрожащий огонек осветил алые пятна. Четкие, будто душегуб нарочно ткнулся. На кирпиче отпечатались ладонь и пальцы — тощие, но длинные... слишком длинные. Я поднял руку и приложил рядом.

Ну да, так и есть — мои как бы не в полтора раза короче. А эти вытянутые, будто у паскуды на одну косточку больше положенного... а то и на две.

Спичка догорела, лизнув кожу жаром, я тряхнул рукой, и стало опять темно.

— Это что ж это за образина такая? — едва слышно выдохнул Матвей.

Хороший вопрос. И ответа у меня не имелось. Пуля в брюхе — не упал. Со второго этажа сиганул — не поломался, дальше пошел. Пальцы растут не так.

Три факта, и один к другому никак не пришьешь. У сумасшедшего такой силы нет. После опиума, говорят, боли не чувствуешь, однако и далеко не убежишь — ноги ватные сделаются. Акробат из цирка удрал, что ли?.. Этот, пожалуй, мог бы — но у него руки как руки.

Должны быть, во всяком случае.

Оставалось только признать: кого бы мы с Тихоном и Матвеем ни ловили, я понятия не имею, что это такое. Паршивое, надо сказать, ощущение.

Городовые молчали. И у обоих на лицах явственно читалась одна и та же мысль — что незачем служивому человеку по ночам ловить какую-то дрянь, которую и человеком-то назвать сложно. Что надо бы выждать до утра, собрать людей и без всякой лишней суеты прочесать околоток. С пулей из «смиг» в организме все одно далеко не уйти. Найдем голубчика где-нибудь в канаве холодного — и дело с концом.

Только вот не будет он в канаве. Знать я, понятное дело, не мог, однако нутром чуял: не помрет эта дрянь к утру. Никак не помрет, раз до сих пор ходит. Отлежится у себя в берлоге, заживет — а через месяц опять вылезет на улицу ночью, и тогда...

Вот уж дудки. Сейчас его брать надо, пока след свежий. Поймаем — а там уж сообразим, кто таков.

— Значит, так. Тихон, ты пошустрее — давай бегом к околоточному. — Я выпрямился и поправил фуражку. — Пусть поднимает всех, кто есть, и сюда. А ты, Матвей, со мной.

Старший городской соорил страдальческую мину, однако спорить не стал — не положено, даже если очень хочется. А Тихона, ясное дело, упрасивать не пришлось, развернулся и рванул так, что пятки засверкали.

— Смотри под ноги. — Я зашагал в сторону проспекта. — Найдем. С такой дыркой в животе самому черту далеко не уйти.

Черт, пожалуй, и правда бы уже свалился с копыт — но душегуб пока держался. Еще одно пятно обнаружилось на углу Воскресенского, а за ним и третье, четвертое... Кровь не кончалась — тянулась вдоль стен и по водосточным трубам, по цоколям домов. Густая, темная, и чем дальше, тем больше. И, по-хорошему, давно бы уже надо было нашему сударику прилечь да лежать — но нет.

Шел себе и шел, не падал.

Матвей мрачно сопел за спиной, однако молчал. Я тоже. Говорить было не о чем, и даже думать не хотелось. Слишком уж мрачная оттого рисовалась перспектива.

Адмиралтейский проспект открылся впереди — широкий, пустой, с тусклой золотой иглой шпиля над деревьями. Справа и слева дома, и даже подворотен до самого перекрестка будто бы уже не было — прятаться негде. И я почти не удивился, разглядев на углу темную фигуру.

Высокий худой мужчина, облаченный то ли в плащ, то ли в длинное пальто, стоял к нам спиной, опираясь правой рукой на стену. И почти не двигался, только едва заметно покачивался из стороны в сторону: сил, видимо, уже не осталось.

— Вот он, голубчик, — сказал я тихо и на ходу взвел курок. — Берем. А дернется — стреляй.

До душегуба оставалось всего ничего, и стоял он чуть ли не прямо под фонарем, но я почему-то никак не мог толком разглядеть даже одежду. Только силуэт — угловатый, странный, будто наспех вырезанный из картона, да еще и приклеенный на панораму абы как, без всякого вкуса.

Между нами оставалось всего три-четыре десятка шагов, когда из-за туч выползла луна. Круглая, яркая — и проспект тут же залило светом. Лужи заблестели ртутью, и тени упали на мостовую, как ножом отрезанные.

А душегуб, который только что еле на ногах стоял, вдруг отлип от стены и не упал, не свалился лицом вперед, а опустился на четвереньки. Явно нарочно, будто на двух ногах ему было неудобно, а так — в самый раз.

И не успел я поднять револьвер, как он рванул прочь, на ходу превращаясь из хоть какого-то подобия человека в черную тень. Спина ходила вверх-вниз, локти торчали, плечи выворачивались — и все это несло по булыжнику с такой скоростью, что полы одежды хлестали за спиной облезлыми вороньими крыльями.

— Господи Иисусе! Ваше благородие, это...

Я обернулся. Матвей стоял, схватившись за фонарный столб, а свободной рукой крестился — мелко, часто, отчаянно колошматя себя сложенными пальцами то в лоб, то в прочие положенные места. И бежать никуда уж точно не собирался: ноги не держали.

— Матвей!

Городовой не двинулся. Только еще сильнее побелел, и я вдруг услышал, как у него стучат зубы. От этого звука злость поднялась разом, горячая и злая, как перед дракой. Не на Матвея — на себя. Надо было Тихона брать, тот бы не испугался, хоть и на службе не больше моего. Хотя...

Да и черт с ними, с обоими! Один — так один.

Я сплюнул и рванул через проспект — за душегубом, который уже почти добрался до сада на той стороне. Ни одна сволочь от меня еще не уходила, и этот не уйдет. Хоть на двух ногах, хоть на четырех.

Александровский сад. Ну конечно — куда тут еще бежать?

Я перемахнул через чугунную ограду и помчался следом. Деревья стояли черными палками, голые, без единого листа, и в просветах между ними мелькала темная фигура — низко, у самой земли. Душегуб уходил влево, к Неве, а я чесал за ним изо всех сил, то и дело скользя подошвами по мокрым корням.

Нутро жгло огнем, ветки хлестали по лицу, «смит» в руке стал как бы не впятеро тяжелее, но и душегуб будто слегка поубавил прыть, хоть до этого казался двужильным. Хруст веток слышался уже в каких-то двух десятках шагов впереди, потом раздался топот — и вдруг все стихло.

Я продрался через кусты, чуть не нырнув головой вперед, и прошлогодняя листва под ногами снова сменилась булыжной мостовой. Сенатская площадь. Медный всадник на Гром-камне, тусклые фонари и Нева вдалеке за набережной. Ни души, никого — и прятаться тут негде.

Душегуб сидел у самого памятника. Скрючился у подножия, прижался — темная клякса на светлом граните — и не двигался. Если бы не едва заметный пар над головой, я бы подумал, что он уже готов. Но нет — дышит.

— Сидишь? Вот там и сиди, сучий потрох. — Я облизал пересохшие от бега губы и со щелчком взвел курок. — Держись — богом клянусь, сразу башку прострелю.

Из-за облаков выглянула луна. Неторопливо, вальяжно, будто кто-то наверху нарочно решил подсветить мне сцену, как в балагане. Тень поползла, спустилась с Гром-камня к подножью — и душегуб повернул голову.

А я вдруг подумал, что может, и правильно Матвей крестился. И лучше бы мне было составить ему компанию, а не ломиться одному через сад в погоне за тварью, которая даже с пулей в брюхе почему-то не спешила умирать.

Глаза у душегуба сверкали, как два желтых фонарика. А лицо... будто из воска сделанное у него оказалось лицо. Поплыло книзу и так вытянулось — хорошо даже, что разглядывать некогда.

Кожу на затылке продрало холодом, ноги сами шагнули назад, а рука с револьвером прыгнула, выцеливая размазавшуюся в воздухе фигуру. Она прыгнула в тот же миг, одновременно с выстрелом. Я видел вспышку, слышал грохот, почувствовал, как «смит» лягнул отдачей в локоть — и вдруг ноги будто сами по себе оторвались от земли. Сложения душегуб был не богатырского, но силищу имел такую, что меня швырнуло и протащило спиной по мостовой до самого Гром-камня.

Подняться я кое-как успел, а вот взвести курок — уже нет. Тощее тело с воем налетело, щелкая пастью и вцепившись обеими руками мне в ворот шинели. Я ударил — с размаху, изо всей силы — и угодил в челюсть. Голова мотнулась, что-то хрустнуло, а душегуб будто и не заметил. Ни кулаков, ни рукояти «смита», которой я орудовал, будто молотком.

Длинные тощие пальцы вцепились мне в грудь и рванули. Я кое-как вывернулся, врезал локтем, и тут паскуда меня достала. Поперек живота, наотмашь, не иначе ножом или еще чем-то — рукой так не ударишь. Колени подломились сами, я медленно сполз по гранитному боку Гром-камня — и сел.

Странно. Совсем не больно. То есть было больно, а теперь перестало.

«Смит» лежал на мостовой, в полутора аршинах. Я завалился, протянул руку — и не достал. Пальцы скребли по мокрому булыжнику, и не хватило всего ничего.

Глупость какая. Совершеннейшая, несусветная глупость: в Туркестане уцелел, на Черной речке уцелел, а душу богу отдам, получается, тут. В самом центре города, на Сенатской, прямо у памятника Петру Великому. Хоть бы к Неве отползти, что ли. Не дело государю на такое безобразие смотреть.

Не отполз.

Тело лежало у подножья Гром-камня, запрокинув голову. Шинель, задравшаяся до пояса, набухла темным — в лунном свете не разобрать, кровь это или грязь, но по запаху любой живой человек тут же догадался бы. Живых, впрочем, поблизости не было.

Людей тоже.

Тварь с желтыми глазами втянула носом воздух и подалась вперед. Осторожно, будто боялась, что упрямый сыскарь не упокоился окончательно, а сейчас снова встанет драться. Потом все-таки подошла поближе, принялась, снова опустилась на четвереньки... И вдруг подняла голову. Заскулила, попятилась, скользя на мокрых камнях. Развернулась, неуклюже путаясь в собственных конечностях, и бросилась прочь. В три прыжка пересекла площадь, махнула через решетку Александровского сада и пропала в темноте между деревьями.

А фонари на Адмиралтейском проспекте будто отодвинулись, стали дальше и тусклее, и свет их уже не доставал до памятника. Нева, которая только что плескалась за гранитным парапетом, затихла. Даже ветер, тянувший с залива всю ночь, унялся: оборвался на полувздохе и стих, уронив на мостовую влажный газетный листок.

Сыскарь остался один. Лежал, как лежат только мертвые — бесформенно, неаккуратно, без всякого достоинства. Только рука, простертая по мостовой, все так же тянулась к оружию, будто обычный полицейский «смит-вессон» еще мог чем-то помочь.

Со стороны Невы послышался скрип, и по волнам к берегу скользнула небольшая лодка, сидящая в воде чуть ли не по самые кромки бортов. Ни весел, ни шеста, ни паруса — она шла против течения сама по себе, и след за кормой затягивался мгновенно, словно сама река не хотела помнить, что здесь кто-то проплыл.

Лодка ткнулась носом в гранитную стенку, замерла, из нее на набережную поднялся человек. Невысокий сухонький старик в темно-сером сюртуке, выдавшем виды, но аккуратном. Из тех что, хозяева носят долго, берегут и не меняют, пока ткань на локтях не протрется до сквозных дыр.

А беречь определенно стоило, потому как ни шинели, ни даже какого-нибудь прохуdivшегося пальтишка у странного господина не имелось. Что его, впрочем, нисколько не смущало, хоть ночь выдалась и не из теплых. Старик подхватил невесть откуда взявшийся саквояж и поднялся по гранитным ступенькам наверх.

Должен был шаркать подошвами по камню, в его-то возрасте, — но нет. Ни звука. Ни шороха, ни скрипа, ни стука каблуков. Он пересек мостовую, обошел памятник — без спешки, на почтительном расстоянии — и остановился у тела.

Саквояж с тихим стуком опустился на мостовую. Прямо рядом с вытянутой рукой, между пальцами сыскаря и потертой кожей не набралось бы и пяди. Старик щелкнул замками и достал толстую пачку бумаг, перехваченную серой тесьмой. Развязал, посплюнвил пальцы и начал перебирать листы.

— Булатов... Булатов... — бормотал он, неспешно водя пальцами по строчкам. — Ну где же... Ага, вот. Булатов Петр Алексеевич, одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года рождения. Коллежский секретарь, сыскная полиция.

Старик поднял глаза от бумаг. Посмотрел на тело. Потом на руку, которая тянулась к револьверу и не дотянулась, на темное пятно на мостовой. И покачал головой.

— Жить бы еще тебе и жить. Двадцать пять лет от роду — и зачем полез-то, голубчик? Зачем?

На несколько мгновений на площади воцарилась тишина, будто старик ждал ответа... хотя кому тут было отвечать? И только потом он засунул бумаги обратно, но саквояж не закрыл.

— Ну да чего уж теперь. Пора, Петр Алексеевич. Собирайся.

Он потянулся к телу, словно собирался взять сыскаря за руку, чтобы помочь встать.

И вдруг замер.

— Никуда он с тобой не пойдет.

Старик дернулся. Не испугался — бояться ему было нечего и некого, — но явно занервничал. Выпрямился, оглядываясь, и только потом негромко спросил:

— Кто здесь?

— А ты сам-то как думаешь?

Голос шел сверху. Низкий, густой и глубокий — совсем не похожий на человеческий. Так звучит металл, когда по нему бьют. То ли колокольный звон, то ли суровый рокот пушечной бронзы, по которой к казеннику катится ядро. И дрожь от него шла не по воздуху, а через камень, через булыжную мостовую, через подошвы — прямо в кости.

Старик поднял взгляд.

Медный всадник стоял на своей гранитной скале — так, как стоял сотню с лишним лет. Конь с поднятыми передними копытами и давно почивший государь на его спине. Лавровый венок, протянутая рука, взгляд на запад. Бронза, гранит и лунный свет.

Памятник. Просто памятник.

Но голос шел оттуда.

— А-а-а... это вы. Доброй ночи, ваше величество, — вздохнул старик. Уже без особого удивления, но с осторожностью — так обычно говорят с высоким начальством, нагрянувшим без предупреждения. И тут же продолжил, разом сменив тон на тоскливо-канцелярский: — Вынужден огорчить. Путь этого достойного молодого человека, увы, завершен. И я имею полное право...

— Нет у тебя тут никаких прав.

Снова сердитая бронза — как молотом по наковальне. По мостовой вдруг хлестнуло ветром, и даже саквояж у тела сыскаря будто бы сам собой захлопнулся, проглотив бумаги. Старик осекся на полуслове, чуть втянув голову в плечи.

Но тут же снова взял себя в руки.

— Помилуйте, ваше величество, — сказал он, и в голосе появилось что-то вроде обиды. Учтливое, но вполне осязаемое недовольство служивого человека, которому вдруг решили помешать делать его работу. — Так нельзя. Я пришел за ним. Бумаги оформлены...

— Не разрешаю.

Огромная фигура наверху дернулась. Не сдвинулась с места, нет. Но что-то изменилось — едва уловимо, так, что можно и вовсе не заметить. Тень памятника, лежавшая на мостовой, качнулась, хотя луна стояла неподвижно. Протянутая рука всадника — та самая, указующая на запад, — то ли сжалась в кулак, то ли всегда была такая, и просто свет лег иначе.

Старик сделал шаг назад. Маленький, аккуратный, почти незаметный шажок. Глаза его скользнули к набережной, туда, где за гранитным парапетом покачивалась на темной воде лодка.

— Правильно мыслишь, — сказал Всадник, и в лязгающем металлом голосе прозвучало что-то похожее на усмешку. — Садись в свое корыто — и давай отсюда. Покуда я не осерчал.

На несколько мгновений над Сенатской площадью повисла тишина. Такая густая и тягучая, что когда старик аккуратно, не торопясь наклонился к саквояжу и щелкнул замками, звук получился неожиданно громким.

— Как вам будет угодно, — проговорил он.

Одернул сюртук, изобразил учтивый поклон и зашагал обратно к набережной. Бесшумно, как и пришел. Но перед лестницей, ведущей вниз к Неве, вдруг замедлил шаг, развернулся и снова посмотрел на тело у подножья Гром-камня.

— Порядок вещей не нарушить, — сказал он тихо. То ли Всаднику, то ли самому себе. — Кто умер — тот умер. И иначе — никак.

Старик спустился по ступенькам к воде, его лодка отошла от гранитного берега — тихо, без единого всплеска. И тут же пропала, растворившись в тумане над Невой, будто ее тут и вовсе не было.

И стало тихо. Еще тише, чем прежде — ни волн, ни ветра, ни города. Только тело у камня и памятник над ним.

— Не слушай старого дурака, — сказал Всадник.

Голос изменился. Грозный гул ушел — осталась только глубина. Негромкая, спокойная и почти теплая. Так, может быть, звучит город, когда разговаривает сам с собой ночью на пустых набережных.

— Мне виднее. А раз уж так — не окончилась твоя служба, сыскарь Булатов. И не окончится, покуда я не скажу.

Тело у подножья Гром-камня дрогнуло. Грудь поднялась — медленно, с хрипом, а пальцы руки, что до сих пор тянулась к револьверу на мостовой, сжались в кулак. Рот открылся, и из него вышел звук — не стон, не слово.

Вздых.

А с ним вернулись и другие звуки — разом, будто кто-то отдернул занавес. Нева снова зашелестела волной о гранит, ветер рванул с залива, а фонари на Адмиралтейском проспекте вспыхнули тем белесым, неровным и живым светом, каким им и положено гореть. Луна вышла из-за облаков и снова поплыла по небу, неторопливая и равнодушная ко всему, что случилось внизу.

И только Медный всадник на своем камне остался неподвижным. Конь, змея, протянутая рука. Бронза и гранит.

Памятник — просто памятник.

Топот послышался со стороны Адмиралтейства — громкий, тяжелый стук сапог вперемежку с сердитым бряцанием всего того, что служивому люду положено носить на португее. Краснолицый уса́тый городской в расстегнутой шинели выбежал на площадь и тут же рванул к распростертому у подножья Гром-камня телу.

— Ваше благородие! — позвал он, наклоняясь над сыскарем. — Голубчик, ты как? Живой? Господи Иисусе, да что же...

Городовой отпрянул, будто ошпаренный, потом судорожно нашарил свисток на шнурке и прижал к губам. Через мгновение откуда-то издалека откликнулся второй свисток, потом третий, и где-то за фонарями замелькали плечистые фигуры.

— Сюда! — заорал городской, срывая голос. — Сюда, братцы! Сыскаря ранили! Карету — подайте карету!

ГЛАВА 2

Часы — здоровенные, с маятником в полруки и потертой позолотой — висели на стене, и в тишине их тиканье разносилось эхом по всей комнате. Кое-как разлепив глаза, я скользнул взглядом по бордовым портьерам на окнах, задернутым до половины. Темные обои, бюро у стены — чернильница, стопка бумаг и бронзовый подсвечник с огарком. Книжный шкаф до потолка.

В комнате пахло табаком, чаем и чем-то еще — то ли воском, то ли лекарством. Чужая квартира, богатая и обжитая, хоть убранство и не первой свежести. Самые настоящие барские апартаменты — в самый раз для купца. Или чиновника. И не из мелких, а серьезного человека.

Вот только... Я-то какого черта тут делаю?

Последнее, что осталось в памяти: проходные дворы, луна, Сенатская площадь. Гром-камень и памятник наверху. А еще желтые глаза в темноте и лицо — совсем не похожее на человеческое. Боль поперек живота. А потом — ничего.

И по всему выходило, что лежать мне полагалось или там, на мостовой, или где-нибудь в покойницкой при больнице, но уж точно не на диване.

А я — здесь. Живой, под одеялом, в чужой квартире.

Привиделось мне все это, что ли?.. Зашел в трактир на Сенной после службы, хватил через край, вот и мерещится. Чудища, глаза желтые... Не дело сыскарю так гулять, что потом просыпаться абы где. Ну, так оно со всеми бывает.

А вот чего не бывает — что человека пуля не берет. И драка мне точно приснилась, не иначе с усталости. Если бы и правда так покровсали, даже к хирургу не повезли бы. Ни в Мариинскую, ни в Обуховскую, ни еще куда. Чего везти, спрашивается, если человека, считай, надвое порвало?

Верно? Верно, как же иначе. Вот она — логика. Чтобы успокоиться окончательно, я приподнял одеяло.

И едва не подпрыгнул.

— Едре-о-она мать...

Два шрама с уродливо-неровными краями тянулись поперек живота, от бока к боку. Третий расположился чуть повыше, и выглядел не так жутко — что-то острое прошло вскользь. И над ним еще всякая мелочь — уже скорее царапины, затянувшиеся свежей кожей. Розовые, плотные, гладкие, будто недели три назад поранило, не меньше. И как раз там, где меня вскрыла неведомая желтоглазая тварь.

Так, значит, взаправду все случилось? И погоня, и чудище, и остальное? Так это сколько ж я тут провалялся?

Часы подсказывали время — десять, но о прочем, как и положено часам, сообщать не спешили. Я покосился на окно. Свет за портьерами ровный, теплый. С улицы — голоса, стук колес по мостовой, где-то далеко свистел городской.

Утро. Десять утра.

Я огляделся в поисках одежды — и выругался покрепче, чем минуту назад.

Одежда-то была. На кресле, аккуратно сложенная: брюки, ботинки рядом на полу. Шинель в едва заметных на темном сукне бурых пятнах — кровь, понятное дело. Не чужая, моя. На груди и вороте — мелкие дыры, будто шрапнелью прошило.

И прямо на шинели сидело нечто.

Размером с охотничью собаку, лохматое и косое — одним блестящим глазом оно таращилось на дверь, другим, кажется, на меня. В одной лапке мой бумажник, в другой — пуговица от бог знает чего. Физиономия — не то чтобы страшная, скорее нелепая: длинный нос, рот до ушей и сами уши — здоровенные и обвисшие, как у дворняги.

Ну все. Точно допился. До белой горячки, до чертиков... Ну, или что это вообще такое? Неведома зверушка тем временем уставилась на меня уже обоими бесстыжими глазами. Сгорбилась, поджав уши — но рыться в карманах шинели все равно не прекратила.

Такого я стерпеть не мог. Даже от галлюцинации. И заорал на всю квартиру.

— А ну положь!

Создание подпрыгнуло, выронило бумажник, заверещало — и сигануло с кресла на ковер сразу через полкомнаты. И уже оттуда рвануло за дверь сверкая пятками. Через мгновение топот ног стих, и чужие апартаменты тут же вновь обрели вполне нормальный вид.

Будто никакого лохматого ворюги тут и вовсе не было.

Я подобрал бумажник и натянул брюки. Револьвера не нашлось ни в кресле, ни на полу, так что я снял с бюро подсвечник — бронзовый, тяжелый, фунта на три. Так себе замена, но огреть того любителя порыться по чужим карманам, если вздумает вернуться, — пожалуй, сойдет.

Дверь из комнаты вела, как оказалось, не в коридор, а напрямик в гостиную — просторную, светлую, с высокими окнами на улицу. Паркет, лепные карнизы, камин с изразцами. Живут же люди...

— Вижу, вы уже проснулись, Петр Алексеевич? Рад видеть вас в добром здравии. Хотя и, признаться, немного удивлен.

— Шайтан! — выругался я. На этот раз от неожиданности.

Когда глаза привыкли к свету, я разглядел сидящего в кресле господина лет сорока пяти — пятидесяти. Еще несколько не старого, но седеющего, с аккуратными баками. Ни бороды, ни усов, лицо будто с портрета — крупный нос, глубоко посаженные глаза, подбородок — как из камня вырезанный. Породистую внешность слегка портила только растительность в неположенном месте — волосы, помимо прочего, торчали прямо из ушей, будто цирюльник почему-то забыл их подстричь.

В остальном же господин вид имел весьма благообразный и строгий, и то ли из-за сюртука, то ли из-за прямой как лом спины в нем чувствовалось что-то казенное.

— Шайтан? Занятное словечко. — Он приподнял седую косматую бровь. — Это ж где вы такому научились, Петр Алексеевич? В Туркестане?

Последнее слово господин бросил будто невзначай — но явно не без умысла. То ли дал понять, что уже успел выяснить кое-какие детали моей весьма обширной биографии, то ли наоборот — прошупывал... Но грубовато, без изыска. Да и в целом он казался скорее человеком военным, а не из статских чинов.

Подполковник, не меньше. А может, и целый полковник — больно рожа серьезная.

Большой начальник, одним словом, я таких уже встречал. А вот чего не видел раньше — в смысле, до этого дня — так это косоглазых воришек с заgreбущими лапами. Но сколько я ни оглядывался украдкой, лохматого нигде не наблюдалось — будто сквозь пол провалился, паскудник.

И правда, что ли, померещилось?..

«Полковник» проследил за моим взглядом и улыбнулся. Почти незаметно, одним уголком рта — но так, будто происходящее его почему-то изрядно веселило.

— Доброго дня, сударь. Утра, точнее. — Я опустил подсвечник. Убрал было за спину, но передумал. И так небось выглядел, нелепее некуда — здоровый мужик, босой, в одних брюках. Еще и морда наверняка такая, будто не в своем уме. — А вы, собственно, кто такой бу?..

— Кто такой буду? Полоцкий, Сергей Иванович. Статский советник. — Господин перебил, не дав договорить. И, усмехнувшись, добавил: — И по совместительству хозяин этих, с позволения сказать, апартаментов.

Статский советник. Пятый класс — можно сказать, генеральский разряд. С чином я попал близко, а вот со службой все же не угадал: не военный, а штатский, при серьезной должности. И разглядывает меня, будто под лупой.

— Видимо, я должен поблагодарить вас за гостеприимство. — Я на всякий случай еще раз огляделся, выискивая глазами календарь на стене или хоть что-то, похожее на подсказку. И, не обнаружив, все же решил поинтересоваться. — Какой сейчас день?

— Вторник, восемнадцатое число, — ответил Полоцкий. И, будто сжалившись, все же уточнил: — Апреля месяца.

Восемнадцатое. Вчера было семнадцатое.

Это что ж получается? Кишки едва наружу не вынули — и за одну ночь заросло. Люди с такими ранами месяц пластом лежат! И потом еле ходят — это если вообще встают. А я...

А я вроде ничего. Падать, во всяком случае, точно не собираюсь. И выпался хорошо, и нога не болит — хоть вчера и набегался, как обычно за полгода. Будто и не было шрапнели под коленом. А шрамы... Нет, точно не привиделись — вот же они, на месте, никуда не делись.

Видимо, я сам не заметил, как принялся щупать живот, — и от внимания Полоцкого это не ускользнуло.

— Что, хорошо подлатали вас наши умельцы? — усмехнулся он. — Ничего, потом спасибо скажете. А сейчас — присаживайтесь Петр Алексеевич, чайку попьем. Это, кстати, можете оставить. Даю слово, здесь вам ничто не угрожает.

Полоцкий указал взглядом на подсвечник в моей руке. И сразу — на столик между креслами. Чай, калачи на тарелке, холодная телятина ломтями, фарфоровая масленка и варенье в розетке. Не завтрак, конечно, для него поздновато, но перекус солидный. Хозяин явно намекал, что разговор если и не затянется до обеда, то уж точно будет не из коротких.

Одеться он мне, впрочем, не предложил. Так что я сначала покосился на дверь, за которой остались ботинки. Потом на другую — ту, что, по всей видимости, вела в коридор, а уже оттуда — на лестницу.

— И все же попрошу ненадолго задержаться, Петр Алексеевич. — Полоцкий явно истолковал мой взгляд по-своему. — Вопрос с вашим руководством уже решен — так что можете не беспокоиться. На Гороховой вас в ближайшее время не ждут.

Я нахмурился. Кому понравится, когда тебя вот так... загребают. И темнил его высокородие, еще как темнил: и про умельцев, и про все остальное. А уж как я оказался у него на квартире, а не в больнице — само по себе тот еще фокус. Над которым и стоило бы подумать, только очередь из фокусов и без того уже выстроилась такая, что у кого угодно голова кругом пойдет.

А вот насчет службы Полоцкий, пожалуй, не врал. Я почему-то нисколько не сомневался, что такому человеку достаточно одного слова — и Крапивин, и даже сам Николай Фомич забудут о моем существовании. Недели на две, не меньше.

Ну, или сколько там положено отдыхать человеку, которому вчера выпустили кишки.

Я положил подсвечник на ковер рядом с креслом. Сел. Взял калач — и сам не заметил, как сжевал его в три укуса. Потом второй. Потом потянулся к телятине.

Голод навалился разом — тяжелый и злой, будто неделю не ел. Руки сами хватали со стола, и я глотал, почти не чувствуя вкуса — калачи, мясо, масло, едва успевая намазать его на хлеб. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что воспитанному человеку так жрать в гостях у статского советника, пожалуй, неприлично. Мелькнула — и пропала, потому как телятина оказалась чудо как хороша, а калачи — еще лучше.

Полоцкий молча подвинул тарелку ближе, а за ней и розетку с вареньем. Потом долил чаю. На трапезу — если, конечно, это можно было так назвать — он смотрел все с тем же спокойным интересом, но я краем глаза заметил, как его взгляд задержался то ли на руках, то ли на второй чашке, которую я осушил в три глотка.

Ничего не сказал. Но явно что-то для себя запомнил — и не только про манеры, которые я определенно демонстрировал не с лучшей стороны.

— Статский советник, значит. — Я заставил себя хотя бы ради приличия оставить на столе последний калач и сел поудобнее. — И по какому же ведомству, ваше высококородие? Если у вас такие умельцы, что мертвого, считай, человека за ночь на ноги ставят?

— Давай уж по-простому — Сергей Иванович. Не люблю я эти политесы.

Полоцкий улыбнулся — а глаза его не улыбались. И на вопрос про ведомство не ответил. А еще перешел на «ты». Так же, как вдруг вспомнил про Туркестан, словно и без умысла, но неспроста. То ли прошупывал, то ли зачем-то подбирался поближе, будто кошка к воробью. И второй вариант мне, признаться, нравился куда меньше: такого подпустишь — сожрет и не подавится.

— Как пожелаете. — Я чуть склонил голову. И тут же отвернулся, чтобы не смотреть на сиротливо скучавший на тарелке калач. — Так по какому ведомству?..

— По важному, Петр Алексеевич. Всему свое время. А пока вопросы здесь задаю я — с твоего позволения.

Позволение мое, конечно же, никого не беспокоило. Только деваться все равно было некуда — не бежать же на улицу в одних брюках.

— Интересный ты человек, Петр Алексеевич. И образование какое-никакое имеется, и повоевать успел — целый георгиевский кавалер. А все в простых сыскарях болтаешься. — Полоцкий посмотрел куда-то вдаль, будто сквозь стену напротив. — Почему из армии ушел?

Я поморщился. Не оттого, что воспоминание было неприятное, — к нему я давно привык. Полоцкий, чтоб его, и так уже все знал. И ковырять ему вздумалось не биографию, а меня самого.

— Климат не понравился. — Я пожал плечами. — Обратно захотелось, на родные болота.

— Болота, говоришь? — Седые брови приподнялись вверх. — А я-то другое слышал. Про одно досадное недоразумение... Зачем капитана на дуэль вызвал?

— Много вопросов задавал, ваше высококородие.

Слова вырвались быстрее, чем я успел подумать. И впору было бы откусить себе язык — тут же, на месте, чтобы не болтал лишнего. Но Полоцкий почему-то нисколько не разозлился. Наоборот, снова заулыбался, и в глазах его мелькнуло...

Нет, не одобрение, конечно. Откуда бы ему там взяться?

— И как тебя еще и из сыска не выперли, с таким-то норовом? — задумчиво проговорил он. И вдруг посерьезнел. — Я слышал, ты вчера душегуба ловил. Как догадался?

От неожиданности я едва не поперхнулся чаем. Круто сменилась беседа, еще как круто. И вроде безо всякой на то причины.

Но, видимо, для этого-то меня сюда и... Доставили — иначе не скажешь.

— Да чего там догадываться, Сергей Иванович, — вздохнул я. — Эта паскуда людей рвала. Раз в месяц, на полнолуние, как по календарю. Только февраль пропустил.

— Не пропустил. Как выяснилось. — Полоцкий еще сильнее помрачнел. Потом вдруг тряхнул головой, будто одергивая себя, и снова посмотрел на меня. — Так кто ж тебя покалечил? Видел? Описать сможешь?

Такое попробуй опиши... Не человек, хоть в одежде ходит, но и не зверь. Что-то между. От одного воспоминания о желтоглазой твари пальцы сами вцепились в подлокотники кресла, а желудок сжался, еще крепче обнимая съеденные недавно калачи.

— Смогу, — ответил я. — Только вы мне, пожалуй, не поверите.

— А ты попробуй, Петр Алексеевич. Чего раньше времени-то решать?

И я вдруг почему-то сразу понял: поверит. Ну, или хотя бы дослушает до конца. И не из учтивости или природной доброты, а потому, что сам за жизнь повидал всякое. В том числе и такое, чего с точки зрения нормального человека и вовсе быть не может.

Вроде людей, что бегают на четвереньках.

— Чертовщина там была, Сергей Иванович. Форменная чертовщина. — Я отставил чашку. — Сам бы подумал, что вранье, так ведь своими глазами видел — вот прямо как вас сейчас вижу. По всему выходит, что и бедолаг тех, и меня один и тот же душегуб порвал. И не человек, а нечисть какая-то! Морда страшная, ручищи — вот такие. — Я жестом изобразил пальцы вдвое длиннее своих. — И глазищи желтые.

— Нечисть — это ты, Петр Алексеевич, самую суть ухватил. По всем признакам — дикий волколак.

— Скажете тоже. — Я невольно хмыкнул. — Волколак. Это как в сказках, что ли?

— Нет, Петр Алексеевич. Не в сказках. — Полоцкий протяжно вздохнул и откинулся на спинку кресла. — К моему глубочайшему сожалению — совсем не в сказках.

ГЛАВА 3

Я почему-то даже не удивился.

Не потому, что и сам догадывался — хотя, положив руку на сердце, что-то такое в голове уже крутилось. Просто, видимо, истратил весь положенный человеку запас недоумения где-то между шрамами, которых вчера не было, и лохматым ворюгой, что пытался стащить мой бумажник.

Удивился бы — да нечем уже оказалось.

— Волколак, — повторил я, пробуя слово на вкус.

Странное, то ли из байки, то ли из дешевых книжонок, которые приличному человеку даже открывать непристойно. А вот поди ж ты — сидишь в кресле на квартире у статского советника, и он говорит это слово с таким лицом, будто речь о погоде.

— Получается, наполовину человек, наполовину дикий зверь... Они что — и правда?..

— Существуют, — кивнул Полоцкий.

Не «возможно», не «есть основания полагать» — просто «существуют», как если бы я спросил, бывают ли на свете кошки. Или, там, мыши какие-нибудь. Для его высокородия наличие в Петербурге зубастых чудищ не только самим собой разумелось, но и, похоже, уже давно успело стать чем-то обыденным и привычным.

— И они, — продолжил Полоцкий, — и остальные... скажем так, особые граждане.

Особые. Это он, видимо, про этого... лохматого. Который чуть не спер мой бумажник. Стало быть, список столичной нечисти на зубастых и когтистых душегубах не заканчивается, а наоборот — только начинается.

— Ага. А ваше ведомство, стало быть, как раз их и ловит? — догадался, я. — Волколаков и прочих... особых граждан?

— Молодец, соображаешь. — Полоцкий усмехнулся. И усмешка у него вышла усталая — не злая, не снисходительная, а именно усталая. Будто он эту беседу вел уже не в первый раз и заранее знал, какие вопросы последуют. — Нечистью мы и занимаемся. Только чего их ловить-то? Живут себе спокойно, никого не трогают, законов не нарушают — и пусть себе живут.

Не нарушают?

— Это волколаки-то — спокойно? — Я аж привстал в кресле. — Да он троих людей насмерть загрыз... То есть четверых, если с февралем считать. И меня чуть на тот свет не отправил — полицейского сыщика, государева человека, между прочим!

— Верно говоришь, государев человек. — Полоцкий перестал улыбаться и снова сдвинул седеющие брови. — Вот потому нам, Петр Алексеевич, надо этого нехорошего гражданина отыскать, и как можно быстрее. Так что давай выкладывай, чего ты там успел накопать.

Подробностями его высокородие делиться явно не собирался. Впрочем, я в этом уже и не нуждался. И так ясно: в родном Петербурге, городе, который я исходил вдоль и поперек и который знаю... думал, что знаю как свои пять пальцев — живут не только люди. А может, и всегда жили, с самого основания без малого два века назад.

И никто ни сном ни духом! Ни дворники, ни городовые, ни приставы, ни даже сыскное отделение на Гороховой, которому, казалось бы, положено знать все и про всех. Четыре года полицейской службы я ходил по ночам — на Сенной, на Лиговке, по тесным и мокрым дворам — и каждый раз мог нарваться не на беглого каторжанина или извозчика, перебравшего в трактире за углом, а на такое, от чего не спасет ни револьвер, ни крепкие кулаки, ни нож за голенищем сапога.

И в конце концов нарвался — да так, что чуть богу душу не отдал.

— Выкладывай... А сами-то чего, Сергей Иванович? — Меня понесло, я чувствовал, но остановиться уже не мог. — Знаете, что нечисть на свете бывает. Целый статский советник —

стало быть, и люди в подчинении имеются. И как же так вышло, что этого вашего волколака до сих пор за хвост не поймали?

Полоцкий снова нахмурился. Сердито, но все же без особой злобы. Совсем не так, как положено хмуриться чиновнику без пяти минут генеральского разряда, которого вдруг вздумал отчитывать какой-то там сыскарь.

— А ты сам-то как думаешь, Петр Алексеевич? — Он скривился и покачал головой. — Город большой, и ночами всякое творится. И если вдруг человека собаки загрызут, как думаешь — станут городовые разбираться, что там на самом деле случилось?

Тут мне крыть было нечем. И злость как-то сразу отступила. Не ушла целиком, пожалуй, но теперь вновь нацелилась на волколака — куда ей, в общем, и положено.

— Не станут, — вздохнул я. — Особенно если пьяница или бродяга какой — точно не станут. Отвезут в покойницкую, составят протокол — и дело с концом. Я и сам-то случайно сообразил, можно сказать. Когда девчонку ту нашли...

— Гувернантку, — поправил Полоцкий. И добавил тише уже: — А наши, выходит, не сообразили. Или приставы не доложили, как положено. Сам понимаешь.

Я молча кивнул — понимаю. Миллион душ в городе, как бы не больше, за каждым не уследишь. А уж если волколак поначалу бродил по окраинам, там и вовсе концов не найдешь. По всему выходило, что Полоцкий со своей загадочной конторой знал не больше моего.

А может, и поменьше.

— В центре он охотился, Сергей Иванович, — сказал я. — Можно сказать, у сыскального отделения под самым носом. Фонтанка, Апрашка, Троицкая...

— Загородный еще. — Полоцкий явно давал понять, что делом занялся не вчера. А если даже и так, то времени зря не терял. — Свидетелей опрашивал?

— У гувернантки — никого. Ее под утро извозчик нашел, уже холодную. А остальные — зима, сколько времени прошло, искать некого. — Я развел руками. — Одни записи в журнале остались, и тех — кот наплакал.

— Понятно. — Полоцкий в очередной раз нахмурился. Потом хлопнул ладонями по коленям и встал — рывком, будто все это время только и ждал, когда можно будет подняться из кресла. — Ладно, Петр Алексеевич. Собирайся.

— Куда?

— Куда надо. — Полоцкий поправил ворот рубашки и одернул сюртук. — Значит, так: с сегодняшнего дня состоишь при мне. На Гороховую я сообщил.

Сообщил. Не узнал, не спросил разрешения — сообщил. Как о деле решенном, которое и обсуждать-то незачем. Ни с Николаем Фомичом, ни уж тем более со мной.

— При вас — это как, Сергей Иванович? — Я поднялся следом. — Я на службе или... как это вообще понимать?

Полоцкий обернулся. Постоял немного с каменным лицом — и вдруг заулыбался. Хоть и без особого тепла, но с любопытством. Видимо, чего-чего, а таких вопросов он от меня не ожидал.

— На службе, Петр Алексеевич. На самой что ни на есть действительной государственной службе. Временно прикомандирован — с сохранением чина и довольствия... Устраивает?

Устраивает — не то слово. Я, конечно, для порядка еще немного посмотрел исподлобья, но внутри все пело. Чутье сыскаря, которое за четыре с лишним года не подвело меня ни разу, подсказывало: впереди настоящее дело! Не карманники на Сенной и не пьяная поножовщина по трактирам — а серьезное следствие. Да еще и с целым статским советником, который, похоже, искал себе не просто мальчика на побегушках. И выбрал — вот уж чудеса! — почему-то именно меня.

Хотя... нет, не почему-то. А потому, что я единственный, кто видел волколака и выжил — так что оболящаться тут пока явно не стоило. И кивнул я сдержанно, без особого ликования, будто меня чуть ли не каждый день прикрепляли к тайному ведомству по делам нечисти.

— Довольствие — это хорошо. Но мне бы одеться, Сергей Иванович. От рубашки, полагаю, одни тряпки остались.

— Да, про рубашку я как-то не подумал...

Полоцкий почесал затылок. Неуклюже и совершенно по домашнему. Видимо, чинам такого ранга полагалось думать исключительно о делах серьезных, а уж такие мелочи, как рубашки... Впрочем, долго соображать его высокородие не стал, тут же повернулся к двери и рывкнул на всю квартиру:

— Тришка!

В коридоре что-то зашуршало, потом я услышал шлепанье босых ног по паркету — суетивное и неровное, как только что начавшийся дождь по крыше, — и в дверном проеме возникла знакомая физиономия.

На этот раз я разглядел странное создание получше. Ростом оно, то есть Тришка, было повыше, чем показалось сначала, где-то с аршин. А может, и полтора: Тришка изрядно сутулился, будто никак не мог решить, стоять ему ровно или все-таки опереться на передние лапы. Нескладные, длинные — чуть ли не по колено! — с тонкими цепкими пальцами.

В самый раз, чтобы рыться по чужим карманам.

Вытянутая морда — другого слова я подобрать не мог — чем-то напоминала человеческое лицо, однако нос Тришка отрастил впятеро больше моего, а уши... Здоровенные у него были уши, иначе и не скажешь. Все тело нечисти покрывала короткая бурая шерсть, из-за которой его можно было бы принять за собаку... или скорее даже за очень странного вида обезьяну.

Правда, обезьяна посимпатичнее будет.

Тришка стоял в дверях, переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на Полоцкого с готовностью — подобострастной, нетерпеливой и слегка плутоватой, как у дворового пса, который точно знает, что за послушание полагается угощение с хозяйского стола.

— Подай Петру Алексеевичу мою рубашку. И сюртук заодно, — скомандовал Полоцкий. И, подумав, добавил: — Шинель тоже неси. А то своя у него... прохудилась.

— Сделаю, ваше высокородие!

Тришка умел говорить. Писклявым, резким голосом, похожим то ли на вороний гай, то ли вообще бог знает на что. Правда, умел так себе: подобающее пятому разряду обращение вышло у него скорее похожим на «вашсокродь», и то не слишком разборчиво. Может, оттого, что говорил он уже на ходу, развернувшись и шлепая по полу босыми ногами... ну, или что там у него?

Я посмотрел на дверь. Потом на Полоцкого.

— Шиш. Самый обыкновенный, — усмехнулся тот. Спохватился, видимо вспомнив, что для меня это слово пока ничего не значит, и тут же пояснил: — Тришка у меня вроде как заместо прислуги.

— Он... они — шиши — разумны?

— Да кто ж их разберет. — Полоцкий пожал плечами. — Чего-то вроде соображают. Для простой работы годятся, только путают вечно. И тащат все, что не приколочено.

В этом я уже успел убедиться.

Умом Тришка явно не блистал, однако службу свою нес исправно. И даже с огоньком: назад примчался быстрее, чем я успел стянуть с тарелки и дожевать последний калач. Влетел в гостиную, чуть не споткнувшись о порог, и с гордым видом протянул мне скомканную, но явно чистую рубашку и сюртук из темного сукна. Про шинель шиш, разумеется, забыл, зато притащил сразу четыре галстука: два черных, коричневый и еще один такой расцветки, которую я, пожалуй, затруднился бы описать.

— Шинель, — напомнил Полоцкий, — дурья твоя башка.

Тришка моргнул. Посмотрел на галстуки в руках. Потом на хозяина. Потом снова на галстуки, будто надеялся, что среди них каким-то чудом обнаружится шинель. И, когда она закономерно не обнаружилась, убежал, а через минуту вернулся с моей — побитой, в бурых пятнах.

Полоцкий негромко выругался себе под нос и, вздохнув, сам отправился на поиски. А я принялся одеваться. Рубашка — из мягкой белой ткани, явно не из дешевых — пахла мылом и чужим шкафом. Сюртук оказался чуть коротковат в рукавах — Полоцкий был пониже меня, хоть и покрепче в плечах — но носить можно. Галстук я выбрал черный, единственный приличный из четырех, и повязал. Благо, зеркало в гостиной имелось.

И уже через несколько минут на меня оттуда смотрел вполне приличного вида темноволосяй молодой человек, который нисколько не напоминал того, кому сейчас полагалось лежать в покойницкой в подвале Мариинской больницы. Разве что лицо чуть бледное — ну так оно и немудрено, после такого-то.

Закончив с галстуком, я обул поданные Тришкой ботинки, поправил шевелюру и на всякий случай снова глянул в зеркало. Ничего, сойдет. Побриться бы только — за ночь щетина успела отрасти так, будто я не трогал ее дня три, не меньше.

Тришка, который терпеливо дожидался у двери, протянул лапу.

— Дай копеечку!

— Обойдешься. — Полоцкий легонько щелкнул его по торчащему уху. — Иди экипаж готовить. Едем.

Шиш метнулся к двери, но у порога обернулся. Посмотрел жалостливо — и одновременно сердито, будто ему задолжали не крохотную монетку, а целый рубль.

— Дай копеечку!

И удрал, не дожидаясь ответа.

— Вечно кланчит. — Полоцкий надел фуражку. — Ты ему не давай — нечего шишей баловать.

Мы спустились по лестнице — широкой, с чугунными перилами и стертыми каменными ступенями — и вышли во двор. Почисте тех, что я за четыре года в сыске обошел не одну сотню, но такой же тесный, колодцем. Обычный петербургский двор, и выглядел он до того нормально, до того привычно, что на мгновение все утро показалось мне долгим и путаным сном.

А потом мы вышли через арку на набережную — и сон не кончился.

Солнце ударило в глаза. После полумрака двора-колодца свет казался ослепительным — я зажмурился и на мгновение остановился, придерживаясь рукой за стену. Полоцкий шагнул вперед — видимо, уже давно привык выходить так каждое утро.

Фонтанка в гранитных берегах искрилась под апрельским солнцем. Слева, примерно в сотне шагов, виднелись клодтовские кони на Аничковом, и по мосту уже тянулась вереница экипажей, крошечных отсюда, будто игрушечных. Справа — дома, дома, бесконечная линия фасадов вдоль набережной. Серые, желтые, бурые, один к одному, как гвардейцы на параде. Напротив, через воду, стояло тяжелое пятиэтажное здание — его я тоже знал, проходил мимо не раз.

Литейная часть. Хороший район, спокойный. Не Сенная и не Лиговка, где мне обычно приходилось бывать по службе. Впрочем — а где еще жить господину статскому советнику?

— Пойдем, Петр Алексеевич. — Полоцкий обернулся, не сбавляя шага. — Дела ждать не будут.

У тротуара чуть в стороне стояла коляска — некогда черная, а теперь скорее темно-серая. Самая обычная, ничем не примечательная, в меру грязи на колесах, в меру зелени на латунных деталях. По чину Полоцкому полагался экипаж посолиднее, однако его высокородие явно был

не из тех, кто любит пустить пыль в глаза. Поэтому же, видимо, и лошадь его возила, хоть и крепкая, но всего одна. И около нее с упряжью возился...

Я не сразу узнал Тришку. Теперь на нем красовался кафтан, перетянутый широким ремнем из кожи — коротенький, будто сшитый на ребенка. Зато сапожищи были здоровенные, такого размера, что шиш запросто поместился бы в каждый из них целиком. Под стать оказались и огромные перчатки, и фуражка на голове. Видавшая виды, потертая по краям, но еще крепкая. Похоже, Полоцкий когда-то отдал слуге свою, и она скрывала физиономию целиком — только нос торчал.

Ну и уши, ясное дело — такие разве спрячешь?

Когда Тришка вскарабкался на козлы, я даже улыбнулся. Настолько деловитым он вдруг показался, разбирая поводья ловкими лапами. Самый настоящий кучер. Разве что ростом не вышел — ну так и люди ж разные бывают.

Я снова посмотрел на Тришку. Потом на набережную — на извозчиков, на дворника, махавшего метлой вдоль чугунной ограды.

А сколько их тут вообще? Дворник, извозчик, нищий на паперти — любой из них мог оказаться «особым гражданином». И я бы прошел мимо, как проходил всегда.

Целый город. Миллион душ — и бог знает сколько из них не совсем... души.

— Давай, залезай. — Полоцкий распахнул дверцу коляски. — Поехали.

Внутри было тесновато. Вдвоем в самый раз, а вот будь нас больше — пожалуй, пришлось бы сидеть плечом к плечу. С Фонтанки изрядно задувало, но коляска все равно пахла кожей, конским потом и чем-то еще.

Может быть — Тришкой.

Я устроился напротив Полоцкого, скрипнув сиденьем.

— А куда мы едем-то, Сергей Иванович?

— На Апрашку, — ответил тот, поправляя фуражку. — Посмотрим, чего там да как.

— Ну, съездить-то можно. — Я с сомнением покачал головой. — Только там уже ничего не найдешь. И спросить некого.

— Тебе, может, и некого. — Полоцкий улыбнулся. Мягко, но как-то неровно, одной стороной лица. — А мне один господин чего-нибудь да непременно расскажет.

Я хотел спросить — какой еще господин? Но промолчал. Полоцкий и так сказал явно побольше, чем собирался.

Тришка по-хозяйски щелкнул поводьями, и каурая взяла с места ровной рысью. Я привычно вытянул правую ногу, устраиваясь поудобнее. На здоровье жаловаться мне, слава богу, грех — двадцать пять лет, не старик. Но порой колено все же давало о себе знать. Тупая, ноющая боль — напоминание о шрапнели, которую я таскал с собой уже шестой год. Стоило побегать, потопать по мостовой, особенно по холоду — и на завтра нога гудела так, что хотелось сесть и не вставать.

Должна болеть. Вчера я отбегал столько, сколько обычно и за полгода не набиралось.

Должна — но не болела.

ГЛАВА 4

Коляска ехала вдоль Фонтанки, а я все смотрел на знакомый город — и не узнавал.

Точнее, узнавал заново. Те же дома, те же фасады в четыре-пять этажей, та же набережная в граните, по которой я за четыре года в сыскном исходил, наверное, не одну сотню верст. Все на месте — и все не так. Будто кто-то вынул из рамы репродукцию, повисевшую на стене четверть века, и тайком заменил на подлинник.

С первого взгляда не отличишь — но если знать...

Навстречу по тротуару шагала богато одетая дама — короткое пальто с меховой отделкой, перчатки, сапожки на каблуке. Ее обходили. Сначала я решил, что из-за здоровенного шелкового зонта, который она зачем-то прихватила с собой на прогулку. Но нет — обходили заранее, а кто-то и за целый десяток шагов начинал принимать чуть в сторону. Явно не глядя, не думая, будто ноги несли сами.

Я присмотрелся. Самая обычная женщина лет сорока с небольшим — то ли купчиха, то ли супруга какого-нибудь важного чиновника вроде Полоцкого. Ни хвоста под юбкой, ни копыт. Уши — обычные, человеческие, не чета Тришкиным. Разве что бледная уж больно и худосочная — может, болеет чем?

И тут меня будто из ведра окатили.

Она не отражалась в витрине. Стекло бакалейной лавки поймало кусок тротуара — я видел людей, видел низ нашей коляски и ноги лошади. Видел мальчишку-разносчика с корзиной. А ее — нет. Женщина шла рядом с остальными, шуршала юбками, придерживала зонт — а витрина в упор отказывалась ее замечать.

— Что, сообразил? — Полоцкий ухмыльнулся, перехватив мой взгляд. И с явным любопытством добавил: — Еще найдешь?

Я уже и так искал всюю. Глаз наметан — карманника в толпе на раз вычислю, на Сенной и Лиговке и не такому научишься. Но тут задачка посложнее. Одно дело высматривать рожу, которая шарит взглядом по чужим карманам и сумкам, и совсем другое — искать невесту что, когда даже не знаешь, куда именно надо смотреть.

На тротуаре — никого. То есть, конечно, народ мимо шел — обычный петербургский люд, и ни в ком из них я не мог разглядеть ничего такого. Поднял взгляд выше — по окнам. Блестят, отсвечивают — не видно. Только одно открыто нараспашку, несмотря на апрельский холодок — и на подоконнике сидит котяра. Здоровенный, рыжий, как бы не в полтора раза больше обычного. Смотрит на нашу коляску и провожает взглядом — медленно, внимательно, будто считает что-то про себя.

Присмотреться я не успел — проехали.

Коляска повернула на Аничков мост, и я зацепил взглядом фигурку на крыше четырехэтажного дома. Вроде обычный малец — ну мало ли зачем ему понадобилось забраться на крышу, я и сам в его годы лазил будь здоров.

Только бородища — чуть ли не по пояс. Как у дьякона.

Почуял. Сверкнули зеленые глаза — два огонька, яркие даже при дневном свете, — и странный коротышка исчез. Не убежал, не спрятался за печной трубой, а просто пропал, будто провалился сквозь кровлю. Был — и нету. Только голуби, сидевшие рядом на коньке, шаркнулись в стороны.

— Домовой, — пояснил Полоцкий, заметив, как я таращусь назад. — Шею не сверни, Петр Алексеевич.

Он откинулся на сиденье, развалился и наблюдал со мной с интересом, который даже не пытался скрыть. То ли просто развлекался, то ли экзамен устроил — а если так, то его непременно надо пройти.

Я снова уставился во все глаза.

И увидел. На набережной — внизу, где обычно причаливают баржи и лодки. Отражение в реке рябило, волны искрились в лучах солнца так, что глазам становилось больно, но я все-таки разглядел тонкие силуэты. Изящные, хрупкие — слишком легкие для людей, будто прозрачные. У самой воды.

— Вот там! — Я вытянул руку и ткнул пальцем. Неприлично, конечно — но тут уж не до манер. — Кто это, Сергей Иванович... русалки?

— Да какие же это русалки? Они утром не вылезают, — рассмеялся Полоцкий. Но разочарования я в его голосе не услышал, только веселье. — Но хороши барышни, спору нет.

Мы проехали чуть дальше — и наваждение рассеялось. Пар изо рта, замерзшие красные руки, белье на чугунной ограде. Никакие не русалки — обычные прачки. Тоненькие, молоденькие — лет по семнадцать. У одной косынка сбилась на шею, и длинные волосы рассыпались по плечам. Девчонка убирала прядь тыльной стороной ладони, не выпуская мокрой тряпки. Заметила, что я пялюсь с коляски, и вдруг показала язык и засмеялась. Звонко, на всю набережную.

Вот ведь...

Я отвернулся, стараясь не встретиться взглядом с Полоцким, и принялся снова разглядывать народ вокруг. Как назло, больше никого интересного не попадалось. Особые граждане то ли прятались, то ли их тут и правда не водилось. Оно и понятно — нечего всякой нечисти у дворца делать, у бывшей государевой резиденции.

Повезло уже дальше, когда коляска свернула на площадь, к министерству. Тут народу было втрое больше, чем на набережной. Городовые, извозчики, солидные господа с портфелями. Гимназисты в серых шинелях высыпали из дверей справа и шли нестройной толпой, толкаясь. Среди лошадиных ног расхаживала стайка голубей — серых, жирных и наглых, каких в Петербурге тысячи.

А с голубями — старичок.

Ростом с ладонь. В сизом фраке, при крохотной трости и в цилиндре. Он достал что-то из кармана — карман-то у него был не больше наперстка! — скормил ближайшей птице и потрепал ее по шее, будто лошадь. Голубь забавно дернул головой, глотая угощение, и пошел дальше. А старичок — за ним, неслышно постукивая тростью по булыжнику.

Он даже не прятался. Ходил среди людских и лошадиных ног — а его не замечали. То ли принимали за еще одного голубя, то ли просто отказывались видеть.

А я ведь тоже — отказывался. Почему-то сразу вспомнился горбатый дед у Гостиного двора, который торговал калеными орехами. Сколько он там сидит? Десять лет? Двадцать? Я ходил туда еще с отцом, а горбун уже тогда был на том же месте, в том же драном тулупе зимой и летом — и с тех пор не постарел ни на день.

Я вытер пот со лба — выступил, хоть и не жарко.

— Ты как, Петр Алексеевич? — Полоцкий усмехнулся. — Здоров? Или голова закружилась?

— А у вас будто не так было. Тут у кого угодно закружится, — огрызнулся я. И тут же подобрался, выпрямившись. — Ну как — всех я нашел? Этих ваших особых граждан?

— Ну, половину точно. — Полоцкий кивнул, и в голосе его мелькнуло что-то похожее на удивление, будто ожидал меньшего. — Глаз у тебя что надо. Сразу видно, не зря в сыскное пошел. А всех даже я не найду. Нечисть — она ж разная бывает. Кто-то как Тришка, а кто-то вроде нас с тобой — не отличишь.

— И волколак, значит, днем — тоже?..

— Тоже. — Полоцкий вздохнул, чуть склонив голову. — Обычный с виду, обычнее некуда. Я, может, и узнаю шагов с десяти — а ты мимо пройдешь.

Я прикусил губу. Правда, конечно, но все равно приятного мало. Впрочем, обижаться я могу и потом, а сейчас голова уже работала сама — привычно, как заведенная.

— Так... А их вообще в городе — сколько? Волколаков этих? Каждый ведь на учете должен быть. — Я подался вперед. — Это, получается, опросить надо — и заодно разузнать, нет ли заезжих. Даже у шпаны старшие есть, значит, и у волков найдется — вожак, или как там правильно? Вот его бы взять за шкирку — и тряхнуть как следует.

— Волки — это тебе не шпана. — Полоцкий усмехнулся. Коротко, одним уголком рта, и усмешка вышла уж очень нехорошая. — Но в целом мыслишь верно, Петр Алексеевич, — добавил он уже мягче. — Ими уже люди занимаются. А мы пока на рынке кое-кого навестим.

— Тоже особого гражданина? — догадался я.

— А то как же. — Полоцкий поднял с колен фуражку. — Кто, по-твоему, на рынке дела делает? Днем — люди, а ночью... — Он махнул рукой. — Впрочем, сам увидишь.

Тришка натянул поводья, останавливая коляску у тротуара из уложенных в три слоя мокрых досок. Спрыгнул с козел, подбежал к дверце и рванул ее на себя — с таким усердием, что петли жалобно скрипнули. Потом замер, вытянувшись в свой аршин с небольшим и уставился на меня снизу вверх.

— Дай копеечку!

— Не велено, — буркнул я. — Уйди с дороги, пока не наступил.

Тришка протяжно вздохнул, повесил уши, но сдвинулся, освобождая проход.

В переулке у рынка пахло навозом, мокрой землей и подгоревшими пирожками — рядом, за углом, дымилась жаровня. Полоцкий взял трость из коляски, поправил фуражку и пошел вперед, похрустывая ботинками по разбросанной под ногами соломе. Я — за ним, на полшага позади, на всякий случай поглядывая, чтобы никому не взбрело в голову проверить содержимое начальственных карманов.

Апрашка со стороны Чернышева переулка — это не центральные ряды, где приличная публика щупает сукно и торгуется за серебряные ложки. Тут все попроще: ряды с обувью и рукавицами, лавки со скобяным товаром, лотки с сушеной рыбой и баранками. Народу поменьше, чем у Садовой, но достаточно, чтобы в толпе потерять кого угодно.

Торговка у ближнего лотка — старуха в цветастом платке, краснощекая, с обветренными руками, — поклонилась шагавшему впереди Полоцкому. И, кажется, даже заулыбалась, но, увидев меня, вдруг подобрала подол и отступила на полшага, а потом и вовсе спряталась за ящиками, бормоча что-то себе под нос.

— Чего это с ней такое? — Я проводил ее взглядом, но особо всматриваться не стал, некогда. — А кого мы хоть ищем-то, Сергей Иванович?

— Черта. Он на рынке днюет и ночует — может, видел, кто купца задрал. — Полоцкий развернулся и, заметив мою недоумевающую физиономию, пояснил: — Да, тоже существуют. Их тут на Апрашке не один десяток. Кто-то торгует, кто-то по чужим карманам шарится...

— Вроде вашего Тришки?

Я даже оглянулся туда, где за углом осталась коляска.

— Ну скажешь тоже. — Полоцкий фыркнул. — Шиши — они ж не со зла. Просто тащат, как сороки, все блестящее. А черти — вот эти да, натуральное ворье. Встречаются, конечно, толковые, но редко.

— Ну да. Порядочного гражданина чертом не назовут. — Я осмотрелся, прикидывая расклад. Привычная работа: на Апрашке я бывал столько раз, что мог бы ходить с закрытыми глазами. — Если карманника или жулье — это у главных ворот искать надо. — Я указал в сторону Садовой улицы. — Или на центральных рядах, там как раз публика побогаче пасется. Значит, и наш голубчик...

— Он сейчас не высунется, больно рожа приметная. — Полоцкий покачал головой. — К вечеру выйдет, как темнеть начнет. А сейчас где-то тут болтается, с краю.

— Понял. Значит, ищем черта.

Здесь народу было не так густо — хватает, конечно, но видно каждого. Барышни с корзинами, плечистый мужик с закатанными по локоть рукавами — грузит бочку на телегу. Двое приказчиков у лавки курят, переговариваются. Старуха торгует семечками. Нищий у стены в старой солдатской шинели без погон — спит или притворяется.

Я не заметил, как ушел вперед и теперь уже сам вел Полоцкого, а не он меня. Ноги несли привычной дорогой — мимо знакомых лавок, мимо крытых рядов и хромого старика с посудой из жести. Я знал тут каждый проход, каждую щель и каждый закуток, где можно спрятаться. Плыл как рыба в воде.

И вдруг остановился.

Мужичок на углу. Невысокий, с бородкой, одет просто — в поддевке, латанной на локтях, бесформенных штанах и грязных сапогах из юфти. Картуз, кашне — вроде тех, что любит мелкая шпана, только не броское, серое. Мужичок стоял, привалившись плечом к столбу навеса, и лузгал семечки, лениво, сплевывая шелуху себе под ноги. Ничего особенного. Мало ли таких по Апрашке слоняется, целый день стоят, глазают, ждут невесть чего.

Я сам не понял, почему взгляд зацепился.

А потом сообразил.

— Вот, Сергей Иванович, — сказал я негромко. — И правда — черт натуральный.

Мы подошли чуть ближе. Шагов с пятнадцати еще ничего, а с десяти уже стало видно, что лицо не совсем человеческое. Кожа красноватая сама по себе, не загар — откуда загару в апреле взяться? Бородка как у козла, клинышком, а усов нет. И щетины нет, будто отродясь не росла. Нос — не совсем нос, если присмотреться. Что-то вроде пятака. Широкий, плоский — считай, свиное рыло. А глаза не карие, а совсем черные. У людей таких не бывает.

— Точно, он, — тихо подтвердил Полоцкий. — Васька зовут, а прозвище — Хромой. Только если побежит — не поймашь. Так что давай осторожно...

Осторожно не вышло. Черт поднял голову. Посмотрел сначала на Полоцкого — и чуть отлепился от столба. Потом на меня — и вытаращился. Глаза стали еще чернее, если такое вообще возможно. Семечки посыпались из ладони.

И не успели они нырнуть в солому, а черт уже мчался прочь.

Я рванул следом не раздумывая, как срывался за карманниками на Сенной.

— Стой! — крикнул Полоцкий. — Все равно не догонишь!

Это я-то не догоню? Посмотрим!

Васька, хоть и Хромой, бегал и правда что твой заяц. Петлял между лотками, нырял под прилавки, огибал бочки и тележки. Первый ряд — мимо сапожника, мимо скобянки. Черт вильнул влево, я за ним. Едва не сшиб лоток с баранками, и торговка заорала в спину что-то такое, чего в приличном обществе повторять не стоит.

Ну простите, сударыня, такая уж у нас служба.

Васька выскочил на открытое место между рядами — и тут я увидел, как с него слетел сапог. Левый, а за ним и второй, и по доскам настила застучали уже оба...

И правда — копыта. Теперь, когда черт уже не прятался, видно стало и остальное: колени гнулись не в ту сторону, спина сгорбилась, и бежал он уже чуть ли не на четвереньках, то и дело помогая себе руками и чем-то еще — кажется, длиннющим хвостом с кисточкой на конце. Скакал лихо, будто до этого ходил на двух ногах через силу, а теперь наконец вспомнил, как надо, — и дал жару.

А я держался с ним наравне, сам не понимая — как. Васька несея так, что обычному человеку за ним и на лошади не угнаться. Копыта стучали все быстрее, мелкая фигурка впереди перемахнула через ящик, не задев, и ушла в узкий проход между палатками. Я следом, протиснулся боком, выскочил. И увидел спину в замызанной поддевке — куда ближе, чем сам ожидал.

Выходит, не отстаю! И прыгаю не хуже, хоть во мне и весу как бы не вдвое больше. Ноги работают, дыхание ровное, будто и не бегу вовсе, а так, на прогулку вышел.

Васька ломился к набережной, но я уже сообразил, куда он уходит, — и знал дорогу покороче. Нырнул за угол, пролетел насквозь чью-то палатку под грохот посуды и вопли хозяйина — и выскочил наперерез.

Прыгнул, вытянулся — и пальцы вцепились в ворот поддевки. Васька рванулся, ткань жалобно затрещала, но выдержала, и мы покатались по земле, поднимая в воздух пыль и ошметки соломы.

Я навалился сверху, однако черт вывернулся. Мелкий, но силищи в нем было как в грузчике. Или как в двух грузчиках — руки тонкие, а хватка железная. Вцепился мне в запястье и сжал так, что кости хрустнули.

— Пусти! — Голос у Васьки оказался визгливый и тонкий. — Пусти, кому сказано!

— Дернешься — рога обломаю!

Каргуз слетел, и теперь я видел не только пятак и красную морду, но и рожки, торчавшие из черной кучерявой шевелюры. Черт, натуральнейший, прямо как в сказках, которые мне нянька рассказывала. Только в сказках они были страшнее.

Васька лягался как норовистая лошадь и пару раз даже попал мне в бедро. Хорошо через шинель, а то мог и покалечить. Увернувшись от очередного удара, я поймал его за кончик хвоста, подтянул к себе — и врезал кулаком в пятак.

Что-то хрустнуло под костяшками, и потекла юшка — густая, темная, совсем не похожая на обычную кровь. Черт тут же потерял весь пыл, обмяк, захныкал и дергался уже скорее для порядка, по привычке.

Я вдавил его мордой в грязь, пахнущую навозом и прошлогодней капустой, и завернул руку за спину, как учили. На чертях, как выяснилось, знакомые приемы работали ничуть не хуже, чем на карманниках.

— Хватит, хватит, ваше благородие! — прогундосил Васька в землю. — Все косточки поломаете — а они у меня хрупкие!

— Раньше думать надо было. — Я на всякий случай навалился на него боком, переводя дыхание. — Теперь лежи смирно!

ГЛАВА 5

Лежать-то он лежал — сообразил, что силы неравны. И даже дергаться почти перестал, зато голосил теперь на весь Апраксин двор. Да так, что уши закладывало.

— Караул! Грабят! — Васька набрал воздуха. — Душегуб! Среди бела дня человека жизни лишают!

Насчет человека я бы, пожалуй, поспорил. А вот в остальном черт не ошибся: мысль лишить его жизни меня уже посетила, и происходило все это и правда среди бела дня. Между зданием со стороны набережной и лотками лежала тень — длинная и густая, но все же не настолько, чтобы скрыть нас полностью. И кто-нибудь глазастый из зевак вполне мог разглядеть, что у пойманного мною господина имеется хвост в полтора аршина длиной, а вместо ног самые что ни на есть натуральные копыта.

Тем более что Васька как раз снова решил брыкаться.

— Спасите! — заверещал он. И, сообразив, что помощь явно не спешит, тут же сменил тон. Голос стал жалобным, с надрывом, будто у опытного попрошайки. — Отпустите, ваше высокородие! Я у мамы единственный сирота!

Народу набежало, как водится на Апрашке, много и сразу. Торговки привстали из-за лотков, приказчик с окладистой бородой вытянул шею, а двое мальчишек-оборванцев подобрались совсем близко, один даже присел на корточки, разглядывая Ваську с тем восторженным любопытством, с которым обычно разглядывают дохлых кошек или нищих, уснувших на паперти.

Заметит. Ну точно заметит, вот прямо сейчас!

На мое счастье в толпе мелькнула знакомая фуражка. Полоцкий не торопился, словно с самого начала знал, чем все закончится. Раздвинул зевак плечами, негромко сказал что-то — и публика тут же рассосалась, будто никого и не было. Торговки попрятались, приказчик ушел обратно за мешки, а мальчишки растворились среди рядов. Сердить целого статского советника им, надо думать, не захотелось, хоть его высокородие наверняка не потрудились представиться.

Минуты не прошло, как даже шаги стихли. Не знай я, как оно все было, непременно подумал бы, что рынок и вовсе закрыт. То ли по случаю большого праздника, то ли еще почему.

Васька и тот присмирел. Только вывернул голову так, что щека прижалась к земле, а один глаз уставился на Полоцкого снизу вверх.

— Доброго дня, ваше высокородие. — Голос черта мгновенно стал медовым и зазвучал чуть ли не впятеро тише. Горланить при высоком начальстве, видимо, не полагалось. — Смотрите, чего делается. Из честного человека всю душу вытрясли!

— Нет у тебя никакой души. — Полоцкий подошел ближе и остановился в двух шагах. — Да и не человек ты.

— Вот чего вы так сразу? — Васька всхлипнул. Так убедительно, что я бы, пожалуй, даже поверил, если бы не слышал что-то такое порой по три раза на дню. — Я, может, и черт, но достоинство свое имею. А вы на меня господина этого натравили! — Он покосился на меня из-под моего же локтя, и я увидел в маленьком черном глазу не злость и не обиду, а страх. Самый натуральный — такой не подделаешь. — Он же ведь...

— Цыц! — Полоцкий легонько стукнул тростью об землю. Негромко, но Васька тут же захлопнул пасть, будто его за горло взяли. — Говорить будешь, когда я велю. Зачем побежал?

— Да попробуй тут не побеги, когда... — Черт снова скосил на меня глаз и тут же отвел. — Когда такое творится. Чуть ногу не оторвал клещами своими!

Визиты Полоцкого на Апрашку, судя по Васькиной морде, давно уже были чем-то если не обыденным, то уж точно не исключительным. А вот мое присутствие черту явно пришлось не по душе... То есть не по вкусу.

— Надо будет — обе оторву. — Я кое-как поднялся, не выпуская ворота Васькиной поддевки. — Куда его, Сергей Иванович?

— Это он сам покажет. — Полоцкий ткнул тростью в проход между зданиями. Узкий, темный, заваленный ящиками и чем-то, что в тени могло сойти и за тряпье, и за дохлую собаку. — Только держи крепче. А то вырвется.

— У этого попробуй вырвись. — Васька дернулся для приличия. — Где ж так тебя откормили, голубчик? Силищи как у лешего!

— Не твоего ума дело. Веди давай!

Я тряхнул черта за ворот — так, что зубы щелкнули, — и потащил, куда указал Полоцкий. Тот, видимо, знал, где у Васьки берлога, поэтому и пришел без спешки, напрямик, пока мы носились по рынку как угорелые.

В проходе между зданиями пахло кислой капустой, сеном и навозом — видимо натащили сапогами с конюшни неподалеку. Под ногами хлюпало, из водосточной трубы капала ржавая вода, и Васька, которого я тащил за шиворот, старательно обходил лужи. Хотя, казалось бы — чего его копытам сделается?

Наверное, вредничал.

— Полегче! — Он покосился на Полоцкого. — Ну хоть вы повлияйте, ваше высокородие. Не на каторгу же тащите!

— Не положено тебе каторги. Будешь много трепаться — я тебя в Фонтанку выброшу, и дело с концом.

Похоже, перегнул. Васька задрожал — мелко, от рогов до копыт, — и на мгновение обмяк, едва не повиснув у меня на руке. Впрочем, подзатыльник тут же вернул его в чувство. Черт встряхнулся, закивал и потащился дальше — мимо штабелей ящиков, вдоль облупленной стены, к углу, за которым показалась лестенка под деревянным навесом.

Васька направился к ступенькам, ведущим вниз, в подвал. Дверца была такая низенькая, что даже ему наверняка приходилось пригибаться, а грязи оказалось хорошо если не по колено — будто тут лет пять никто не убирался. Сыскарю жаловаться не положено, однако спускаться не хотелось совершенно. Я даже обернулся на Полоцкого, но тот кивнул — туда.

Черт простучал копытами по каменным ступеням, повозился с замком, сопя и бормоча что-то себе под нос, потом наконец открыл и провалился внутрь. Я — за ним, сгибаясь чуть ли вдвое, чтобы не приложиться лбом. Полоцкий спустился следом и брезгливо покосился на ботинки, уже покрытые соломой и тем, что в приличном обществе называть не принято.

— Сейчас. — Васька шарился в полумраке, звякал чем-то и шуршал. — Сейчас, милсдари... Минуточку.

Чиркнула спичка, и в темноте подвала загорелась закопченная керосинка со сколотым наискось стеклом. Света она давала ровно столько, чтобы увидеть Васькину берлогу.

И пожалеть, что увидел.

Каморка была аршин пять в длину и три в ширину. Потолок низкий — Полоцкий почти доставал макушкой, а мне так и не удалось выпрямиться целиком. Стены — голый камень, то ли закопченный, то ли покрытый плесенью, выяснять не хотелось. В углу лежал ворох тряпья, который, видимо, служил черту постелью, рядом стояло жестяное ведро с водой, на стене висел крюк, на крюке — поддевка, точная копия той, за которую я минуту назад тащил хозяина. Такая же замызганная, выцветшая и протертая на локтях чуть ли не до дыр.

Вдоль стены шла полка, заваленная барахлом: медный подсвечник, осколок зеркала в две моих ладони, связка ключей непонятно от чего, три фарфоровые чашки разной масти, стопка замусоленных карт и еще куча непонятного барахла. Половина точно краденая.

Да вторая, наверное, тоже.

Косой столик у стены — три ноги и подпорка вместо четвертой — служил, видимо, и обеденным, и рабочим, и парадным. На нем лежал огрызок свечи на блюде, початая бутылка чего-то мутного и пара пластин жевательного табака. Васька первым делом отломил кусок, закинул за щеку и принялся чавкать, понемногу приходя в себя после беготни и оплеух.

— Чайку изволите, милсдари? — поинтересовался он. Уже чуть вальяжнее, будто родные стены каким-то образом могли защитить его от начальственного гнева. — Если надо — я мигом соображу. У меня и сушки где-то были, вот тут...

— Твоим чаем только тараканов травить. — Я огляделся, но садиться не стал, косой засаленный табурет доверия не внушал. Да и незачем: на того, кого допрашиваешь, лучше смотреть сверху вниз. — Давай к делу, рогатый.

Васька снова занервничал. Глазки забегали от меня к Полоцкому и обратно, а короткие узловатые пальцы принялись теребить край поддевки.

— Так это, вашбродие... — Черт попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая и совсем не веселая. — К какому такому делу? Если вы про те часишки, то я и знать не знал, откуда они у шантрапы взялись! За хорошую цену взял, все по чести.

Я покосился на Полоцкого. Часишки его явно не интересовали. Он стоял у двери, привалившись к косяку, и не говорил ни слова. Трость в одной руке, другая в кармане. И по всему выходило, что допрашивать черта предстоит мне.

Ну и хорошо. Это мы умеем.

— Ты присядь, любезный. В ногах правды нету. — Я покосился на покрытые грязью копыта. — Особенно в твоих.

Черт попятился и плюхнулся на табурет. Тот жалобно скрипнул, но выдержал. Я чуть подождал еще, шагнул ближе и навис сверху. Чтобы точно понятно было: деваться некуда.

— Кто купца погрыз — знаешь?

Васька дернулся на табурете, чуть не опрокинув.

— Это не я! Богом клянусь! — выпалил он. И в очередной раз уставился на Полоцкого. — Отец родной, ну хоть вы скажите, что я не душегуб, а честный черт!

И когда я успел стать таким... убедительным? Васька наверняка всяких сердитых господ видал. И особых, и нашего, человеческого роду — на Апрашке чего только не насмотришься. Но сейчас он глядел на меня так, будто перед ним стоял не бывший сыскарь с Гороховой, а что-то совсем другое. То, от чего хотелось забиться в щель и не вылезать до самой Троицы.

Я даже оглянулся — может, за спиной кто стоит?

Никого.

Васька выронил табак из пасти, отполз вместе с табуретом, стуча копытами по каменному полу, и завопил:

— Не губите, ваше благородие! Расскажу! Все расскажу!

— Вот так бы сразу. — Я сложил руки на груди. — Выкладывай.

— Да тут и выкладывать-то особо нечего, милсдари. — Васька шмыгнул носом... ну, то есть пятаком — и неуклюже вытер его ладонью. Немного успокоился, однако на меня по-прежнему поглядывал опасливо, исподлобья, будто ожидал то ли удара, то ли еще чего похуже. — Слышал я, что зимой один купчина сильно нехорошей смертью помер как раз неподалеку. Но что там было — кто ж знает? О таких делах сверх меры болтать не принято.

— А ты — видел что-нибудь?

— Матушкой клянусь — ничего! — Васька сложил пальцы, дернул руку ко лбу, но креститься все-таки не стал — видимо, чертям не положено. — Я в тот день вообще отсюда носа не высовывал — больно уж холодно было.

Он не врал. Но и правды целиком не говорил — я это чуял. За столько лет службы хочешь, не хочешь, а научишься различать, когда врут, а когда... так.

Глазки у Васьки бегали — от двери к оконцу, потом от меня к Полоцкому и обратно. Бойтся. И не нас, а еще чего-то... или кого-то. Я не знал, кто тут у нечисти ходит под кем, но у людей на Апрашке хватало тех, кого шпана боялась побольше полиции.

И если у чертей так же устроено — вытягивать придется клещами. И ведь не факт, что вытянешь.

— Что-то голубчик у нас неразговорчивый. Надо бы его отвезти... куда положено. — Я посмотрел на Полоцкого. Тот подсказывать не спешил. Только улыбнулся уголками рта: похоже, происходящее его изрядно развлекало. — А там уж мы с ним потолкуем. С толком, с расстановкой. Может, и вспомнит чего.

Вот тут то Ваську и проняло. Я до сих пор не знал, в каком ведомстве служит Полоцкий, но по всему выходило, что визит в это самое казенное заведение для черта вполне мог оказаться дорогой в один конец. И выглядел он теперь так, что его на мгновение даже стало жалко.

— Не надо, ваше благородие! Не надо — куда положено! — Васька в очередной раз всхлипнул, вытер пятак рукавом, и его голос тут же переменялся. Стал тихим и вкрадчивым, как у лавочника, который решил продать краденое из-под полы. — Вспомнил я тут кое-что. Только дело такое, что рассказать-то нельзя. Иначе с меня голову снимут. Стало быть, мне гарантия нужна, ваше благородие, что...

— Я тебе рога с копытами местами поменяю. С гарантией.

Я шагнул вперед и демонстративно сдвинул рукав шинели. Васька захныкал и отпрянул, только как-то не так, как пятаются от кулака. И смотрел куда-то мимо — на меня, но не в глаза.

Ну, может, я и правда страшный... самую малость. Рожа сердитая, шинель в грязи, костяшки сбитые. Кого хочешь напугаешь.

— Понял, ваше благородие. — Голос упал до шепота. — Только рога не трогайте уж пожалуйста. Они у бедного черта, можно сказать, единственное богатство. Ни капиталов, ни угла своего не досталось от маменьки, только вот...

— Давай говори уже. — Полоцкий отлепился от косяка. Впервые за весь допрос он шагнул ближе — не ко мне, к черту. — А то Петр Алексеевич, конечно, человек терпеливый, но всякое случается.

Васька тоскливо вздохнул. Посмотрел на дверь за моим плечом, потом на крохотное низенькое оконце под потолком, заросшее паутиной. Будто прикидывал, сможет ли протиснуться.

И благоразумно рассудил: не сможет.

— Ходили тут одни господа. — Черт понизил голос, будто стены могли подслушать. А может, и правда могли, откуда мне знать. — Из тех, что днем на двух ногах, а ночью очень даже на четырех.

— Волколаки?

Васька вздрогнул и заозирался. Видимо, здесь, на Апрашке, даже называть вслух этих самых господ было не принято.

— Они самые, ваше высокородие, — прошипел он. — Четверо. Вот как раз третьего дня заглядывали.

— Кто такие? — Полоцкий подался вперед, опираясь на трость. — Откуда?

— Да разве ж я знаю. — Васька развел руками. — Но думается мне — с Петербургской стороны. Тамошние. А им тут, сами понимаете, делать нечего.

— Ну скажешь тоже. — Полоцкий хмыкнул. — Рынок. Здесь у каждого дело найдется.

— Так-то оно так, ваше высокородие. Только они сюда не за калачами пришли. — В Васькиных черных глазках мелькнуло что-то новое — не страх, а почти деловой интерес. — Ходили, вынюхивали, будто искали кого-то. А это уже совсем другое дело выходит. Если господа узнают...

— Довольно. Пойдем, Петр Алексеевич. — Полоцкий надел фуражку. — А ты — рот на замок. Понял?

Я поморщился. Только-только черт разговорился — и на тебе, довольно. На Гороховой в этот момент допрос бы только начинался, а Полоцкий — собрался и пошел. И ведь не просто так обрезал, не по лени. И не потому, что устал. Услышал то, что надо было, — а вот остальное слышать уже не полагалось.

Мне, конечно же, не полагалось, кому ж еще.

— Да как же тут не понять, ваше высокородие. Я вас не видел и знать не знаю. — Васька закивал так, что еще немного — и рога бы отвалились. И, привстав, осторожно потянулся следом. — Только мне бы это...

Я зыркнул — и черта будто приморозило к месту. Застыл на полушаге, постоял так секунду и тихонько сел обратно на табурет.

Мы поднялись по ступенькам и вышли во двор. После подвала даже апрашкинский воздух, пропитанный навозом и конским потом, показался свежим. Я вдохнул полной грудью, одернул шинель и огляделся — по привычке.

Волколаки на чужой территории. Четверо, вместе. Ищут кого-то. Третьего дня — значит, совсем недавно. И кому-то из местных — особых граждан, надо думать — это может изрядно не понравиться.

— А что это за господа такие, Сергей Иванович? — Я чуть ускорил шаг, чтобы не отставать. — Про которых Васька сказал?

— Этого тебе знать пока не положено. — Полоцкий нахмурился, оборачиваясь, помолчал, но потом вдруг заулыбался, будто вспомнив что-то забавное. — А ловко ты его. Вот уж не думал, что человеку по силам черта догнать и скрутить. Не зря тебя на Гороховой ценили.

Знать пока не положено — видимо, как и многое другое. Впрочем, расспрашивать я и не собирался. Главным образом потому, что как ни пытался его высокородие хранить тайны неведомого мне доселе Петербурга, тот сам делился ими. Куда охотнее, чем новоиспеченный начальник, и при этом аккуратно, понемногу — видимо, чтобы у меня ум за разум не зашел раньше времени.

— Ну так... И не таких ловили. — Я пожал плечами. — А теперь куда? Волколаков этих искать?

— Успеется. — Полоцкий достал часы на цепочке — серебряные, старые, с двуглавым орлом на крышке. — Полдень уж скоро. А не пора ли нам отобедать, Петр Алексеевич?

Я задумался. Чуть больше часа назад сожрал целую тарелку калачей и прочей снеди, и в другое время хватило до самого вечера. Но стоило подумать — и в животе тут же заурчало.

— Можно и отобедать. Я тут как раз пару заведений знаю...

— Пойдем. — Полоцкий легонько хлопнул меня по плечу. — Я тебе такое заведение покажу, что ты точно даже не слышал ни разу.

ГЛАВА 6

Сначала я подумал, мы пойдем к трактиру на Чернышевском переулке. Заведение известное, и от рынка рукой подать. Но его высокородие свернул в другую сторону, к площади, откуда мы приехали час назад. Апашка остался за спиной, только шум еще догонял — гомон торгов, стук колес, чей-то визгливый смех и ругань. Впереди вместо торговых рядов вырастали обычные дома, а повозок становилось все больше. Полоцкий шагал уверенно, не оглядываясь, и я за ним едва поспевал.

Длинное двухэтажное здание приткнулось под боком у громадины министерства. Я бывал тут, наверное, раз сто, если не больше, всегда проходил мимо, не разглядывая — хотя бы потому, что разглядывать было нечего. Мы уже не спеша прошагали вдоль стены с облупленной штукатуркой, и Полоцкий толкнул неприметную дверь. Без вывески — на заведение тут ничего даже не намекало. Петли скрипнули, и в лицо пахнуло теплом.

Внутри оказалось тесно и темно, зато ароматы были такие, что я едва не споткнулся на пороге.

Щи — настоящие, густые, не обычная трактирная бурда. Пирог — явно из печи, не с лотка. И еще что-то мясное и пряное, чего я, пожалуй, и назвать бы не сумел. Желудок тут же напомнил о себе, хотя калачи я ел каких-то часа полтора-два назад.

Наверное, набегался, вот и оголодал.

Заведение было скромное — дюжина столов, не больше. Лавки вдоль стен, потолок низкий, с темными балками, стены то ли закопченные, то ли отродясь не беленые. Свет пробивался из двух оконцев, маленьких и мутных, да еще пара сальных свечек мерцала на стойке — хозяин, видимо, экономил. Из кухни доносился стук ножа по доске, где-то звякнула посуда, и в полумраке за столами негромко переговаривались. Не ресторация и даже не трактир в привычном смысле — скорее нечто среднее между чайной и кабаком для тех, кто знает дорогу. Чужих тут явно не ждали.

И я сразу сообразил почему.

Глаз у меня после сегодняшнего утра уже был наметан. Черти — двое, за столиком у стены, — опознались сразу: копыта под лавкой и хвост из-под полы. Держались тихо, косились на нас, но не дергались. Рядом какая-то мелочь, голов семь, ростом с аршин, лохматые и одетые во что попало. Один как раз стащил ложку с соседнего стола и прятал за пазуху, озираясь.

Тришкина родня, не иначе.

Дальше, ближе к окну, сидели трое мужиков в рабочих блузах. Похожие друг на друга, как колосья из одного снопа: скуластые, низкорослые, с руками темными и заскорузлыми, будто земля въелась в кожу намертво, так, что уже и не отмыть. Волосы у всех троих торчали сухой соломой, одного цвета — выгоревшие, белесые, и даже в полумраке трактира казалось, что в них застряли какие-то семена. Мужики едва слышно шушукались, склонив головы, и на нас не обернулись: то ли не заметили, то ли старательно делали вид.

Соседний стол оказался еще интересней. Двое в рабочей одежде и здоровенных сапогах. Тоже похожи на людей, только ростом пониже, руки чересчур длинные, а кожа блестит тусклым металлом. Жаром от странных господ тянуло через весь зал, и воздух рядом с ними подрагивал, как над раскаленной крышей в июле. Оба молчали, ели не торопясь и ни на кого не смотрели. Вокруг пусто, соседние лавки так и не заняли. Мало кому охота обедать у печки, когда на улице и без того не холодно.

Обычными здесь казались только двое: плечистый мужик в углу у дальней стены, сосредоточенно ковырявший ложкой кашу, и барышня примерно моих лет. Тоненькая, в цветастом платье, а волосы — как огонь. Рыжие, густые, яркие. Не убраны, только лентой перехвачены — в городе так не ходят. В полумраке трактира они горели так, что хоть свечу гаси.

Красивая, таких даже среди благородного сословия нечасто увидишь. Сидела с кружкой, не пила, не разглядывала, словно каждый день сюда ходила.

Неужели нашего, людского роду?

Нет. Простому человеку тут явно делать нечего.

Трактирщик стоял за стойкой. И по тому, как стоял, сразу видно: хозяин, не наемный. Плечистый, рослый, борода лопатой, на голове бурые космы. Рукава засучены, а под ними будто войлок. Не руки, а медвежьи лапы в рубахе. Прежде я бы, пожалуй, не обратил внимания — мало ли на свете волосатых мужиков, — но после сегодняшнего утра у меня появилась дурная привычка присматриваться. И выдала хозяина не внешность, а взгляд. Внимательный, тяжелый — и направленный не на Полоцкого.

На меня.

Его высокородию хозяин кивнул коротко, и тот кивнул в ответ, снимая фуражку. Вроде ничего особенного, но такой чести больше никому в зале не досталось.

— Пойдем. — Полоцкий указал тростью в угол. — Вон там я обычно сижу.

Стол в тени, подальше от входа. Я на ходу снял шинель, повесил на крючок и по привычке сел так, чтобы видеть весь зал. Спина к стене у прохода за стойку, лицом к двери — как на Гороховой учили. Правда, обычно я так устраивался, чтобы не получить нож между лопаток, а тут, пожалуй, и поинтересней причины найдутся.

И только усевшись, я сообразил, что занял чужое место. Полоцкий ведь тоже наверняка выбрал этот стол не случайно.

Его это, впрочем, несколько не смутило. Разоблачился не торопясь и устроился напротив, спиной к рыжеволосой барышне. И не успел он поставить трость у стены, как рядом вырос хозяин. Большой, а не слышно, будто нарочно подкрался.

— Доброго дня, ваше высокородие. Чего на обед изволите?

— Здравствуй, Михаил Иванович. — Полоцкий оглядел зал и прищурился. — Мне как обычно. А господину Булатову щей и каши с мясом. Побольше.

Откуда, интересно, его высокородие знает, что мне побольше?

Хозяин кивнул и ушел за дверь на кухню, на мгновение закрыв могучими плечами весь проем. Половицы скрипнули, хотя шагов я так и не расслышал.

— Сергей Иванович, — Я проводил хозяина взглядом. — А он что — тоже?..

— Не болтай. — Полоцкий приложил палец к губам и чуть сдвинул брови. Потом едва заметно кивнул. — Они тут все. Ну, или почти все.

Нечисть заметила нас, едва мы вошли. Кто-то успел удрать: пока я рассматривал зал, за одним столом стало пусто, только миска сиротливо стояла, и ложка покачивалась на краю. Кто-то отсел подальше. Черти вжались в лавку и старательно прятали глаза. Даже мелкий воришка с ложкой притих и забился под стол. Только здоровенный мужик в углу и рыжая не шевельнулись — видимо, за ними грехов не водилось.

Обед подали быстро, будто заранее знали, кто пожелует. Но не разогретое, а с пылу с жару, из печи. Миски, конечно, не для ресторации, глиняные, со щербатыми краями, зато щи густые и наваристые, а пшенная каша рассыпчатая, и мяса к ней столько, что хватило бы на двоих. Хлеб — темный, ноздреватый, с хрустящей коркой, и резан как бы не в два пальца, будто хозяин другой толщины не признавал.

Полоцкий ел не спеша. Ложку подносил аккуратно, промокал рот салфеткой, которую достал из кармана. Временами поглядывал на зал, временами на меня — и ничего не говорил. Видимо, ждал, пока наемся.

А я ел и остановиться не мог. Ложка за ложкой, кусок за куском — и все мало. Миска опустела, я подобрал остатки хлебной коркой, потянулся за очередным ломтем и вдруг поймал себя на том, что за это утро съел, пожалуй, больше, чем обычно съедаю за целый день.

Ну так оно и понятно — бегал, дрался... еще и черта тащил за шиворот. Есть с чего проголодаться, а значит, и поесть надо как следует. Особенно за казенный счет: Полоцкий расплатился сразу, когда подали. Достал рублевую монету, положил на стол, и хозяин забрал молча, без сдачи и без благодарности.

Наевшись, я откинулся к стене и вытер рот тыльной стороной ладони. Полоцкий покосился, но промолчал. В трактире салфеток не имелось, а я, уж простите, в кармане их не носил.

В зале стало тише. Двое чертей давно ушли. Мелкий воришка все так же сидел под столом и не высовывался. Мужики у окна в жарком мареве доедали молча. Трое в рабочих блузах по-прежнему шушукались, и один поглядывал в нашу сторону, исподтишка, украдкой.

— А это кто, Сергей Иванович?

Я кивнул в их сторону.

— Полевики. Интересно, чего это они тут, да еще и втроем?.. — Полоцкий покосился, задумался было, но тут же одернул себя. И меня заодно: — Да не смотри ты так, Петр Алексеевич. Не принято.

Я отвернулся. Не принято — так не принято. Хотя не разглядывать публику вокруг оказалось труднее, чем я думал. Видимо, оттого, что на Гороховой глазеть было частью ремесла.

— Полевики, значит... — Я взял с тарелки еще кусок хлеба. — И они, стало быть, тоже существуют? А драконы какие-нибудь? Змей-Горыныч?

— Очень надеюсь, что нет. Перевелись, как всяким ящерам и положено.

Полоцкий даже ложку отложил. И лицо сделал серьезное, такое, что поди пойми, шутит или нет. Только в глазах искорки. Я открыл было рот, чтобы переспросить, и не успел.

Дверь распахнулась, и в трактир ввалилась стайка чертей.

Пятеро. Громкие, суетливые — та же апрашкинская шпана, только с рогами и при хвостах. С порога загалдели, захохотали, и Полоцкий поморщился, будто щип вдруг прогоркли, а Михаил Иванович за стойкой насупился так, что брови едва не слились с бородой.

Заметив нас, черти слегка притихли, но разве что на миг. К тем двоим в рабочей одежде, от которых несло жаром, соваться не стали, обошли стороной. Зато полевиков согнали не церемонясь: уселись за стол, хлопнули ладонью, гоготнули, и трое тихих мужиков поднялись и пересели к двери, забрав свои кружки. Молча — видно, уже привыкли.

Среди чертей особенно выделялся один, самый рослый. Блестящий цилиндр, жилетка с чужого плеча, сапоги начищены до блеска. Ну прямо франт. Еще и перстни на пальцах, наверняка краденые. Он развернулся, обвел зал взглядом, задержался на мне — всего на мгновение — и направился к мужику в углу. Остальные четверо устроились за отвоеванным столом и загалдели, требуя выпивки.

— Чего расселся, Тототка? — Черт толкнул мужика в бок. — Господа кушать изволят. А пока — принеси-ка водички.

Имя — а скорее кличка — тут явно не подходило. Когда мужик поднялся, едва не ткнувшись макушкой в низкий потолок, я на мгновение даже пожалел черта, который решил вот так нелепо завершить свой жизненный путь.

Росту в мужике оказалось как бы не три аршина. Плечи — с дверной проем, побольше, чем у хозяина, хоть и тот не из изящных господ. Лицо грубое и скуластое, нос широкий, перебитый, и явно не единожды. Армяк на внушительной фигуре сидел так, будто шили его на кого-то вдвое меньше, и сапоги явно были тесноваты, видно, нужного размера в лавках попросту не бывает. Ручищи как бревна, каждый кулак — с голову.

Одного удара такого кулака хватило бы, пожалуй, и для лошади.

Но вместо того, чтобы вломить рогатому, великан протяжно вздохнул и потопал в сторону кухни, скрипя половицами на каждом шагу.

Без слов, без споров. Только глубоко, на самом дне маленьких светлых глаз, плескалось что-то. Не злоба — те, кого гоняют вот так каждый день, злиться разучиваются. Обида. Старая, привычная. Притоптанная — но все-таки не стертая до конца.

А черти не унимались.

Великан вернулся с ведром, поставил молча. И кто-то тут же пнул ведро ногой — вода плеснула на носки его здоровенных сапог и растеклась по полу.

— Криворукий! — загоготал мелкий. — Ну-ка, убирай!

Великан опустился на корточки, потом встал на одно колено прямо в лужу и принялся вытирать. Рукавом армяка — тряпки поблизости не нашлось. Черти ржали — все, кроме главного. Тот сидел развалившись и наблюдал с ленивым удовольствием, как хозяин за собачьей дрессировкой.

— Пошевеливайся, Тотошка!

Кто-то швырнул хлебную корку — попал в макушку. Великан даже не обернулся. Только плечи чуть поднялись и опустились. Привык. И от такой привычки было тошнее, чем от самих чертей.

Я посмотрел на Полоцкого. Его высокородие сидел, скрестив руки, и наблюдал — за мной, не за залом. Михаил Иванович за стойкой нахмурился так, что, казалось, сейчас гаркнет и вышвырнет всю компанию за дверь. Но нет, не шевельнулся. Только тряпку сжал в кулаке. Рыжая барышня подалась вперед — чуть-чуть, на вершок — и тут же откинулась обратно, будто одернула себя.

Меня одергивать было некому. Может, господам начальникам и не к лицу со всяким сбродом связываться. А я не гордый. Шпана при мне тише воды сидела, и самый наглый карманник с Сенной знал, что если Петр Булатов пожаловал, надо вести себя прилично.

Когда черт замахнулся второй коркой, я отодвинул лавку. Ножки скрипнули по полу, и в трактире разом стало тихо. Все развернулись — рогатые за столом, барышня, великан на корточках.

Я поднялся, и один из мелких чертей дернулся к выходу. Не побежал, скользнул по лавке, будто невзначай. Второй замер, третий вцепился в стол. Уж не знаю, чего во мне такого. Васька тоже вот так вот дергался.

Только главный все так же сидел не двигаясь, хотя голову в плечи втянул.

— Эй, любезный. — Я остановился перед ним. — Ты чего мужику поесть спокойно не дал?

На мгновение показалось, что и этот сломается. Что-то дрогнуло в его лице — на долю мгновения, как рябь по воде. Но нет. Черт медленно снял цилиндр, положил на стол, и стало понятно, почему он не выбрал картуз или котелок.

Рога оказались здоровенные, покрупнее Васькиных раза в два, крученые и темные. Да и сам хозяин их явно не мелкий жулик с Апрашки. Матерый: глаза не бегают, руки не дрожат. И смотрит на меня внимательно. С осторожностью, с опаской даже, но все же без страха.

— Хочу — дам поесть, хочу — не дам. — Черт положил ладони на стол. — А тебе что за дело? Сам-то кто такой будешь?

Наглый. Не имя спрашивает, а в каком я праве. Видел, что обедаем с Полоцким, видел шинель на крючке, и все равно «кто такой будешь». Дать бы в морду за такие разговоры. Но, видать, нельзя... пока что.

— Я? Государев человек. — Я чуть подался вперед. — А ты?

— Конторский, значит? — Мой вопрос черт пропустил мимо ушей. — Ну и чего тебе от меня надобно? Не видишь, отобедать мы зашли. Сидим тихо, никому не мешаем. И ты нам не мешай.

Великан так и торчал на корточках у ведра, не смея подняться.

— Это ты-то тихо сидишь?

Я покосился на Полоцкого, осторожно, чтобы не выпустить черта из виду. Его высоко-родие сидел, откинувшись к стене, с лицом, как из камня вырезанным. Уж не знаю, что он там думал, но останавливать этот балаган явно не собирался. Хотя, пожалуй, и мог. Целый статский советник, как-никак, еще и по особому ведомству.

Опять проверяет? Или?..

— Галдите, как сороки. Еще и мужика этого гоняете, — я кивнул на великана, — как вшивого по бане. По какому праву?

— По законному. — Голос вдруг стал ровным и деловым, будто передо мной сидел не рогатый в краденном цилиндре, а стряпчий при суде. — Должник он мой. Сам слово сказал — никто за язык не тянул. — Черт обернулся к великану. — Верно я говорю, Тотошка?

Великан медленно поднялся с корточек. Выпрямился, насколько потолок позволял.

— Верно.

Я до этого думал, он вообще немой. А голос нашелся, и еще какой: низкий, густой, будто камни перекатываются в груди. Одно слово всего — и даже пол под ногами дрогнул.

И по всему выходило, что такого богатыря к ногтю прижали не силой. Обманом. То ли деньгами привязали, то ли словом. А может, еще чем — и деться ему некуда. А значит, и возражений ни у кого не имелось. Ни у хозяина, ни у Полоцкого, ни у самого великана.

Такие у нечисти, видимо, порядки.

— Ну вот и я говорю — верно. — Черт снова осклабился. — А раз верно, так иди, благородие, и хлебай свои щи. Пока плохого чего не вышло.

— Пугать меня вздумал? — Я уперся ладонями, нависая над столом. — Да я за такие разговоры тебе рога обломаю.

Черти шарахнулись — кто-то полез под лавку, кто-то уже торчал в дверном проеме, готовый рвануть на улицу. Мелкий, который швырял корки, сидел белый, вцепившись в край стола, и челюсть у него мелко тряслась. Даже главного проняло: он отпрянул, стиснул зубы, и я увидел, на одно короткое мгновение, но увидел в его глазах то же самое, что было у Васьки в подвале.

Не испуг перед кулаком — другое. Будто не человек перед ним стоит, а что-то, чему и названия нет.

Но черт держался. Сплотнул, выпрямился и даже руки со стола не убрал. Покрепче Васьки, это точно.

— Ладно, ладно, не сердчай, благородие. И не смотри так, у меня аж кишки промерзли! — Черт подался вперед, осторожно, будто щупал рылом воздух между нами. — Вижу, добрый ты человек. Пожалел Тотошку. Да я его и сам жалею, дурака такого.

— Жалеешь — отпусти, — нахмурился я. — Не дело ему у вашего брата в слугах ходить.

— Не могу отпустить, благородие. Вот право слово, не могу.

Черт развел руками, и в голосе его вдруг послышалось сочувствие. Такое, что кто угодно бы поверил... Вот только мне почему-то не верилось.

— У каждого долга своя цена есть, так уж заведено. — Черт покосился на Полоцкого и вдруг заулыбался. Медленно, но широко — так, что я увидел мелкие и острые желтые зубы до самых десен. — А вот что я тебе скажу, благородие. Давай-ка мы лучше с тобой картишки раскинем? Если выиграешь — так и быть, отдам тебе Тотошку. Мне от него все равно пользы особой нету.

Прямо из воздуха, будто по волшебству, в пальцах у черта появилась засаленная колода и легла на стол с тихим шлепком.

— А если моя возьмет — тогда ты мне должен будешь. По-честному. Идет?

ГЛАВА 7

В трактире снова повисла тишина — такая, что стало слышно, как где-то за стойкой тикают ходики и потрескивает свечной фитиль.

Полевики поднялись. Не оглядываясь скрипнули дверью и убрались, оставив кружки на столе. Заводские не сдвинулись с места, но из тарелок хлебать перестали: бесплатный балаган, видимо, интересовал их куда больше щей. Даже хозяин за стойкой замер, положив тряпку. Все уставились — кто на меня, кто на черта, а Тришкина родня — сразу на обоих, разными глазами. Так, пожалуй, умеют только шиши.

А рыжая барышня смотрела на меня как на дурака. Не улыбалась — морщилась. И когда я поймал ее взгляд, едва заметно покачала головой. Будто хотела сказать: нет! Даже думать не смей!

Да я и сам понимал, чего уж там. Садиться в карты с чертом, который наверняка обул в этом трактире не один десяток бедняг — и нечисти, и людского рода, и своих соплеменников, — затея глупейшая. Нелепая до невозможности. Только великан все стоял у ведра с мокрым рукавом, почти подпирая головой потолок, черти вокруг скалились, и деться ему было некуда.

— Сыграем, благородие? — Карты порхнули в ловких пальцах. — Ты не бойся, я тебя в кабалу брать не стану. Не годишься ты воду и сапоги таскать, норовистый больно. Проиграешь — на мелочи сойдемся, ты и не заметишь. Метнем штоссик, а? — Черт раскинул колоду веером по столу, ловко, лицом вверх. — В штоссе-то, благородие, голова ни к чему. Знай понтируй да на фарт уповай — авось карта и ляжет.

Я украдкой покосился на Полоцкого. Его высокородие хмурился как грозовая туча, однако прекращать устроенное мною безобразие не спешил. То ли рассудил, что раз уж бестолковый сыскарь влез куда не просили, то и выбираться ему самому, то ли продолжал свой странный экзамен. А может, и сам давно хотел поставить на место зарвавшегося черта — только не знал как.

А я вот уже сообразил.

Потому как шулеров на своем веку навидался. На Сенной каждый второй играл краплеными, и мы с городовыми раз в месяц обходили притоны — не столько ловить, сколько приглядываться. Трюки я знал наперечет: передергивание, наколку, зеркальце в перстне. Половину даже сам пробовал — не ради корысти, а так, понять, что к чему.

А практики набрался еще в Туркестане, на гарнизонных вечерах. Нижние чины играли по большей части в штосс, а офицеры — в пикет и преферанс. Там везение не всегда поможет, надо и думать уметь.

— В штосс? — Я собрал карты со стола и сложил обратно в колоду. — Понтируй да молись — так, что ли? Нет уж, любезный. Если такой умный, давай тогда в пикет. Посмотрим, как твоя рогатая голова соображает.

Черт поморщился. Всего на одно мгновение, и тут же снова широко оскалился, будто только этого и ждал.

— Как скажешь, благородие. В пикет так в пикет. — Черт обернулся к своим и хлопнул ладонью по столу. — А ну-ка брысь! Господа играть изволят.

Четверо мелких шарахнулись в стороны, освобождая место. Я сел напротив. Лавка скрипнула, свечной огарок на краю стола мигнул и едва не потух. Полоцкий за моей спиной молчал, но я нутром чуял: его высокородие сердится. И наверняка уже решил про себя, что не такой уж и я толковый, раз с чертом в карты сел.

А рыжая барышня подалась вперед. Тербила ленту в волосах, и в полутьме трактира на мгновение показалось, что она побледнела. За меня волнуется, что ли?.. Ну уж точно не за черта — много ему чести, рылу свиному, чтобы такая красота переживала.

Я вдруг подумал, что не будь ее здесь, может, и не стал бы так намертво закусываться с тем, кто явно соображал в карточных трюках побольше моего. Но теперь уж чего. На попятный пойдешь — позору не оберешься.

— Ладно, хватит языком трепать. — Я расстегнул верхнюю пуговицу на сюртуке. — Сдавай.

И тут случилось то, чего не ожидал никто. Даже, наверное, Полоцкий, хотя он за сегодняшний день удивляться уже устал.

Хозяин вышел из-за стойки. Прошагал через зал, подтащил свободный табурет и, поставив его во главу стола, сел от меня по правую руку. Уперся локтями в столешницу и подался вперед.

— А давайте-ка я, господа хорошие, с вами тут посижу. Погляжу, как играете. Уж больно любопытно стало.

— Да чего тут глядеть, Михаил Иванович? — Черт встрепенулся, и его голос едва заметно дрогнул. — Дело обычное, пикет раскинуть. Но ежели изволите, то милости прошу-с. Может, велите водочки подать, чтобы повеселее?

— Обойдемся. — Хозяин положил обе ладони на стол — широкие, волосатые, каждая с хорошую сковороду. — Сдавай уже. И чтобы честно оба играли. — Он повернулся сначала ко мне, потом обратно к черту. — А если увижу, кто жульничать вздумает, сразу за дверь выставлю.

Намек оказался яснее некуда. Черт занервничал — но пальцы работали, как и прежде, ловко. Блеснули перстни, он перетасовал колоду и снял. Тридцать две карты легли на стол — по двенадцать нам и восемь в прикуп.

Я взял свои и разложил по мастям. Начал по привычке с подсчета. Сколько старших, сколько мелочи, какой масти больше, какой нет вовсе. Черт напротив ерзал, поглядывая то на карты, то на хозяина, то на меня, и ухмылялся. Считал не хуже моего, это я по глазам видел.

Первую сдачу я забрал быстро. Черт вышел мелочью, я накрыл старшими и добил тузом. Ничего хитрого — арифметика.

— Бывает, бывает. — Черт покрутил головой. — Первый блин комом, благородие. Еще пять сдач впереди.

Вокруг тем временем стало тесно. Тришкина родня повылезала из-под стола и теперь вытягивала шеи в нескольких шагах, ближе подойти, видимо, побоялись. Один из мужиков в рабочем — тот, что пониже, — повернулся к нам. Смотрел, не мигая, и жаром от него тянуло так, что губы сохли. Великан глядел поверх чужих макушек, и лицо его будто окаменело. Не поймешь, что внутри творится.

Вторую сдачу раскидывал уже я. Взял свои двенадцать карт: пять червей, среди них старшие. Бубны послабее, зато пиковый туз. Черт объявил пойнт, я перебил. Он скривился и вышел с трефовой семерки.

Мелочь вперед — значит, крупных треф нет или бережет. А король — вот он, у меня между пиковым тузом и бубновой десяткой.

Нет у тебя короля, морда рогатая. И быть не может.

Я принял семерку тузом и пошел с червовой десятки. Черт сбросил мелкую пику. Я пустил валета — снова сброс. На четвертый ход он выложил бубновую даму, решил перехватить. Я накрыл тузом.

— Что ж ты все выигрываешь, благородие? — Черт недовольно оскалился. — Может, у тебя свои фокусы имеются?

— Считать умею. Вот и весь фокус.

— Считать, значит... — Черт хлопнул ладонью по столу. — Ну давай третью, а то засиделись.

Хозяин молчал. Сидел, скрестив руки, и смотрел. Борода чуть подрагивала — то ли жевал что-то, то ли усмехался в усы.

Третья сдача. Карты легли на стол с сухим щелчком. Я взял свои — средний расклад. Ничего особенного: не сказать, чтобы хорошо, но бывает и похуже. Сбросил три мелкие, взял другие — бубновый валет, дама, десятка. Черту осталось пять. Он сбросил свои и потянулся за прикупом — небрежно, привычным движением, будто и не задумывал никакой пакости.

И вот тут-то я и увидел.

Перстень на среднем пальце шевельнулся, ловя тусклым металлом огонек свечи. Указательный и безымянный сдвинулись, и нижняя карта из прикупа ушла не на стол, а в ладонь, под рукав. А на ее место легла другая, из-под манжеты.

— Вот ведь незадача, — усмехнулся я. И, потянувшись через стол, схватил черта за запястье. — Попался, голубчик.

— Да что ты такое творишь, благородие! — заверещал тот, вырываясь. — Я честно играю!

— Честно, говоришь? А это что?

Я отвернул рукав, и на стол из-под ткани скользнула карта. Трефовая десятка.

Все произошло разом. Черти захохотали копытами по полу, кто-то вскочил, уронив на пол кружку. Тришкина родня заверещала тонкими голосами. Даже мужики в рабочем, до этого похожие на статуи из потемневшего металла, вдруг поднялись — оба разом, одновременно.

— А ну тихо!

Хозяин врезал кулаком по столу так, что подпрыгнули миски на стойке, а свечные огарки мигнули, и один едва не потух. Нечисть тут же смолкла, и даже черти дружно попадали обратно на лавку, будто только что и не были готовы наброситься на меня всей сворой.

— Предупреждал я? Было такое? Вот и нечего теперь галдеть. Его благородие выиграл. — Хозяин кивнул мне и повернулся к черту. — А ты — пошел вон отсюда. Пока морда цела.

Тот сидел бледный. Не от страха — от злости. Губы стянулись в нитку, на щеках застыли желваки, а ноздри раздувались, с шумом выпуская воздух. Он будто никак не мог поверить, что проиграл, еще и попавшись с картой в рукаве, — поэтому, наверное, и сидел.

Четверо мелких уже торчали у двери — сообразили раньше.

И только когда хозяин сдвинул брови, черт наконец поднялся. Подобрал цилиндр, надел, уже шагая к выходу, и вдруг обернулся.

— Свидимся еще, благородие. Тогда и поглядим, кто улыбаться будет.

Дверь хлопнула, и в трактире тут же стало просторнее и тише. Шиши — ну, или кто там был? — снова уселись за стол. Мужики в рабочем вернулись к тарелкам как ни в чем не бывало. Хозяин поднялся, легонько хлопнул меня по плечу и ушел обратно за стойку, больше не сказав ни слова.

Рыжая барышня тоже собралась. Одернула платье, закинула волосы за плечо, и огненные пряди на мгновение осветили полутемный угол. Прошла мимо, не посмотрела, не остановилась. И только на самом пороге обернулась — и подмигнула.

Подмигнула же? Или показалось?..

А мне оставалось только вернуться к Полоцкому. Тот терпеливо дожидался, и на лице его — я мог бы поклясться — выражение было в высшей степени довольное. Однако вслух он сказал совсем другое.

— Дурак ты, Петр Алексеевич. Умный, но дурак. Это ж надо было придумать — с чертом в карты сесть. К нему в должники попадешь, так небо с овчинку покажется.

— Да я уж сообразил. — Я опустил на лавку и покосился в угол, где великан снова устроился на прежнем месте. Только теперь сидел иначе — прямее, что ли. — А что это вообще за долг такой, Сергей Иванович?

— Долг, Петр Алексеевич, у нечисти главный закон. — Полоцкий чуть сдвинул брови. — Наши, людские, они тоже признают, куда деваться, но этот постарше, чем все государство Российское. Это у человека случается так, что слово дал — и обратно забрать можно, если совести нет. А у особых граждан иначе. Во все времена так было: если кто из них пообещал — то сделает.

— Даже черти?

— И они тоже. Врать-то мастера, черт обманет и дорого не возьмет. Но если слово дал — уже не нарушит. Не потому что честный, а потому что иначе не может.

— Вот оно как. — Я взял со стола последний кусок хлеба. — Занятно. А если все-таки нарушит?

— Не бывает такого. — Полоцкий поморщился и отвел взгляд к окну. — Я, во всяком случае, не слышал. Так что встрял ты, Петр Алексеевич, по самое не хочу.

— Полноте, Сергей Иванович. — Я махнул рукой. — Чего я, какую-то шпану рогатую бояться буду?

— Ты — не будешь, — вздохнул Полоцкий. — Хотя, может, и стоило бы. Только я не про черта.

О чем он говорил, я сообразил уже позже, когда мы вышли на улицу.

После полутемного трактира свет ударил по глазам. Солнце висело еще высоко, и улица шумела по-дневному: стучали колеса, кричали извозчики. Так что я не сразу услышал за спиной тяжелые шаги.

Великан шел за нами. Не прячась, не таясь — просто шел, заложив ручки за спину и опустив голову, будто желал спрятать лицо под козырьком надвинутого на нос картуза. Но такое разве спрячешь?

— Чего тебе надо? — проворчал я, разворачиваясь.

Великан остановился в трех шагах, и при дневном свете я разглядел то, чего не видел в полумраке трактира. Кожа у него была не грязная и не загорелая, как показалось сначала, а сама по себе серая. Шершавая, как камень. И жилы на руках — не синие, как у людей. Темные, будто трещины в скале.

— Михаил Иваныч сказал, — великан говорил медленно, доставая каждое слово как из колодца, — вы выиграли.

Чухонец — это я расслышал сразу, как по первым же словам угадывал ярославских и тверских. Чуть тянет слова, путает. Не коверкает нарочно — просто по другому пока не научился. По-русски говорит, а голова складывает по-своему.

Интересно. На севере, выходит, тоже своя нечисть.

— Значит, я вам должен теперь. — Великан чуть наклонил голову. — Работать буду. Лошадь знаю. Тяжелое носить могу. Сапог чистить.

— Да я уж как-нибудь сам справлюсь, — рассмеялся я. — Как тебя зовут-то хоть? Тотошка? Антон?

— Тойво.

— Тойво, — кивнул я. Ну да, точно чухонец, это у них имена такие чудные. — А по фамилии-отчеству?

— Тойво, — повторил великан, и лицо его не изменилось.

Судя по всему, у чухонской нечисти отчества не водилось вовсе. А может, у этого и отца не было, кто его разберет. Выглядел Тойво так, будто кусок скалы отвалился от горы где-нибудь в Карелии, полежал, полежал — а потом ни с того ни с сего собрался в двухметрового богатыря и направился напрямик в столицу. Непременно пешком, такого не то что лошадь — не всякая повозка выдержит.

Кто он вообще такой? Спросить бы у Полоцкого, только неудобно при самом Тойво... А его высокородие стоял чуть в стороне и улыбался уже не таясь. Ну конечно. Я его сегодня целый день развлекаю. С десяти утра — форменный балаган.

— Ну как, не рад уже, что эту образину выиграл?

Черт стоял в десятке шагов. Подпирал стену, засунув руки в карманы жилетки, и скалился. Не ушел, значит, ждал. Остальные тоже никуда не делись, но держались подальше: подойти смелости не хватило.

— Еще разок сыграть не желаешь, благородие? — Черт оттолкнулся спиной от штукартурки. — А нет — так давай я у тебя Тотошку обратно выкуплю. У меня всякого добра хватает. Даже для человека вроде тебя, поди, что-нибудь особенное найдется.

В трактире рогатый соврал. Тойво был ему нужен позарез. И охрана, и слуга, да и дверь с петель снимет, если приспичит. Жалко терять, вот и задержался.

— Особенное — это краденое, что ли? — Я шагнул вперед. — Топаи отсюда, пока рога целы.

— Ну зачем же так сразу, благородие... — Черт поднял ладони, будто сдаваясь, но не отступил. — Ты подумай хорошенько. Ежели передумаешь, так я в тот же миг...

Тойво появился из-за моего плеча. И встал между мной и чертом.

— Сказано — иди. — Говорил он негромко, но от его голоса вдоль стены прокатилось эхо. — Хозяин занят, не мешать.

— Ты-то куда лезешь? Уйди с дороги!

Черт сердито оскалился и пнул Тойво сапогом в колено. По привычке, как пинал каждый день, походя, не задумываясь. Хитрости ему хватало, а вот памяти, похоже, не доставало: забыл, что Тойво больше ему не служит.

А вот Тойво не забыл. И это, и все остальное.

Он размахнулся и врезал черту такую затрепину, что тот трижды перевернулся в воздухе, потеряв по пути оба сапога, и с грохотом влетел в штабель ящиков у стены. Человека такой удар, пожалуй, отправил бы на тот свет, но особый гражданин оказался покрепче. Через несколько мгновений копыта задержались, хвост хлестнул по переломанным доскам, и черт выбрался, ругаясь на чем свет стоит. Ощупал смятый цилиндр, нахлобучил обратно и похромал следом за своей братией, которая уже неслась по переулку в сторону набережной не оглядываясь.

— Ничего себе. — Полоцкий покачал головой. — Может, и впрямь будет от такого помощника польза.

— Не по чину простому сыскарю слугу держать, Сергей Иванович. — Я обернулся к Тойво. — Так что ничего ты мне не должен. Ступай.

Тойво не двинулся. Стоял, как раньше — руки за спиной, голова вниз. Только глаза сузились.

— Нельзя, ваше благородие. Вы выиграл — значит, долг. Куда я пойду?

— Да куда хочешь. — Я махнул рукой. — Ты теперь свободный... особый гражданин. Хочешь — в извозчики иди, хочешь — к Михаилу Ивановичу обратно. У него небось работы хватит.

— Нельзя так. — Тойво насутился еще сильнее. — Долг.

— Да что ты заладил — долг, долг... — Я почувствовал, как внутри поднимается раздражение. — Ничего ты мне не должен. Иди, кому сказано!

Тойво дернулся, будто я его ударил. Что-то мелькнуло в маленьких светлых глазах — и тут же погасло. Он опустил голову, развернулся и побрел прочь, шаркая подошвами сапог по булыжнику. Через десяток шагов обернулся, посмотрел — и двинул дальше, уже не оглядываясь.

— Отвязался наконец. — Я проводил его взглядом. — И чего пристал?

— Удивительный ты человек, Петр Алексеевич. Так ведь... — Полоцкий явно хотел сказать что-то еще, но все же не стал. То ли решил повременить, то ли как обычно: пока не положено. — Ладно. Поехали уже потихоньку.

— Куда, Сергей Иванович?

— Куда-куда... Домой тебя повезу. Хватит нам на сегодня приключений, — вздохнул Полоцкий.

И, развернувшись, зашагал в сторону Чернышева переулка — к Тришке с коляской. Я двинул следом, а над крышами заорали вороны — три штуки, черные, горластые. Одна снялась с карниза и потянулась за нами, низко, над самой мостовой.

Я вдруг поймал себя на мысли, что нисколько бы не удивился, вздумай птица сейчас опуститься мне на плечо и заговорить.

Странный выдался денек.

ГЛАВА 8

Коляска спустилась с моста и не торопясь покатила по переулку. Ехали мы всего ничего — от Апрашки до моего околотка и пешком-то минут двадцать, — но почему-то казалось, что дорога заняла чуть ли не целый день. Может, оттого, что погода успела испортиться и небо стемнело раньше положенного. Тучи наполнили со всех сторон разом, серые, набухшие дождем.

Чему удивляться — солнце у нас надолго не задерживается. Даже в апреле.

Тришка ерзал на козлах, то и дело поглядывая наверх. Ему, видимо, мокнуть совершенно не хотелось. Полоцкий откинулся на сиденье и всю дорогу ехал молча. То ли думал о чем-то важном, то ли просто успел утомиться за день.

— Куда дальше, Петр Алексеевич? — спросил он, не поворачивая головы.

— Вот сюда, на Казначейскую. — Я махнул рукой. — Я на углу как раз и живу.

Тришка щелкнул вожжами, и впереди показался мой дом. Четыре этажа серого камня, облезлая штукатурка — по весне всегда проступали темные пятна, будто стена потела от натуги. Чуть дальше по улице — арка с чугунными воротами на одну створку.

Не то что у его высокородия на Фонтанке, конечно. И сам дом попроще, и моя берлога — не барские апартаменты. Да и публика тут живет точно не генеральского разряда. Акушерка на втором этаже, по соседству с отставным штабс-капитаном, который каждое утро так кашляет, что на весь околоток слышно. Прямо надо мной, на четвертом, приказчик с Гостиного двора. Человек тихий и аккуратный, только сапогами по вечерам гремит, будто нарочно.

Обычные люди, да и место самое обычное. Не случайно покойный Федор Михайлович своего студента — того, что старуху зарубил, — как раз здесь и поселил. На угол Гражданской, отсюда два дома.

Тришка остановил коляску.

— Ну, вот ты и дома, Петр Алексеевич. — Полоцкий чуть кивнул. — Отдыхай.

— А завтра-то как? — Я помедлил, не вылезая. — Мне явиться куда положено или?..

— А завтра будь готов. — Полоцкий чуть сдвинул брови. — В девять утра за тобой приедем — и на службу. Дальше будем душегуба искать.

Я выдохнул про себя. Всю дорогу опасался, что после выкрутасов с картами его высокородие спишет меня обратно на Гороховую. А то и подальше — чтобы не разболтал лишнего про особых граждан.

Но нет. Обошлось. То ли Полоцкий все же оценил мою молодецкую удачу, хоть и не сказал, то ли просто решил последовать заветам государыни Екатерины. В смысле — что победителей не судят.

— Волков этих искать пойдем, Сергей Иванович?

Полоцкий задумался. И, судя по лицу, крепко задумался. Уж не знаю, что там обычно делало его тайное ведомство в таких случаях, но я бы именно так и поступил. Иначе, получается, зря мы черта по Апрашке ловили.

— Может, и пойдем, — наконец сказал Полоцкий. — Но ты пока лошадей не гони. Успеется.

— Так точно, не гоню. — Я спрыгнул на мостовую. — Ну, до завтра, стало быть.

Полоцкий прощаться не стал — только коротко кивнул. Тришка поправил фуражку, сдвигая на затылок, стеганул лошадь — и не успел я дойти до арки, как коляска уже пролетела мимо, как бы не вдвое быстрее, чем ехала сюда. Шиш то ли спешил доставить хозяина домой до дождя, то ли просто решил полихачить, раз уж опустевшая из-за непогоды улица позволяла.

Я постоял, глядя вслед, и нырнул в подворотню.

Двор-колодец встретил как всегда: сыростью и привычным запахом жареного лука из чьего-то окна. Тесные стены, наверху серое небо в прямоугольнике крыш. Все до того привыч-

ное, что я на мгновение даже успел подумать, что сегодняшний день мне просто приснился, пока я дремал в пролетке извозчика, возвращаясь домой со службы.

Но нет. Город, в котором я родился и прожил без малого четверть века, изменился. И становится прежним явно не собирался. А может, уже и не мог: однажды увидев скрытое, я теперь продолжал высматривать его повсюду. В темных углах, в нишах подворотен, у кромки крыш...

А нашел еще ближе. Прямо перед собой.

Дворник Степаныч как раз убирал двор. Сметал сор в угол, мерно, неторопливо, и метла скребла по булыжнику с таким привычным звуком, что хотелось зевнуть. Невысокий, худой, жилистый — из той породы мужичков, что с виду соломинкой перешибешь, а потом удивляешься, как он в одиночку целый воз дров перетаскал и даже не запыхался.

Борода клинышком, уже с проседью. Фуражка надвинута на лоб. На груди — медная дворницкая бляха, начищенная, как и положено, хотя сам фартук давно просил замены.

Обычный дворник. Пять лет в одном доме — я и задумываться перестал, когда здоровался по утрам, уходя. Иногда даже просто кивал в ответ, слушая ворчание про погоду.

А Степаныч, по всему выходило, меня жаловал. То ли из-за службы, то ли оттого, что сам человек добрый. Бывало, вернешься с облавы за полночь, мокрый, злой — а на столе кружка и крынка молока. Не всегда, конечно, но раз в месяц, пожалуй, случалось. А я когда слег зимой — простуда, третий этаж, печь-голландка еле тянет, — он четыре дня таскал дрова чаще обычного. И горшок каши оставил.

Я потом сунул полтинник — Степаныч взял, но с таким лицом, будто его не отблагодарили, а обидели, и еще как крепко. Хороший дворник. Не друг, не товарищ, конечно, но уже вроде как и не чужой человек.

А сейчас он посмотрел на меня и вдруг дернулся. Метла замерла в воздухе, Степаныч отступил на шаг, потом на второй — и без единого слова исчез в полумраке у дальней стены, напоследок сверкнув из тени глазами. Здоровенными, блестящими и зелеными, прямо как у кошки.

Может, и показалось, конечно. И вроде бы ничего такого... мало ли у кого день не задался.

Вот только я точно знал, что ни двери, ни лестницы в подвал в том углу не имелось. Да и вообще ничего не имелось — глухая стена. Дворник просто исчез.

Странное дело, еще какое странное. Но после того, что я сегодня успел повидать и услышать на Апрашке, Степаныч меня удивить, пожалуй, уже и не мог. Подумаешь, исчез в тени. Зато ни хвоста, ни копыт. Рогов тоже как будто не имеется — значит, порядочный гражданин, хоть и особый.

Я покачал головой, прошагал через двор и поднялся по черной лестнице к себе. Вошел и первым делом снял и повесил на крючок шинель. Хорошая, офицерского сукна. Надо отдать Полоцкому — маловата все же будет, пожалуй.

Да и не по чину простому сыскарю с генеральского плеча одеваться. У меня тут все попроще — зато свое. Две комнатки, и обе можно обойти в пять шагов. В первой — стол и диван с продавленной серединой. Во второй — кровать, комод и стул. Голландка в углу, на подоконнике жестяная банка с чаем. На стене над комодом — трофейная текинская сабля — клыч из Закаспия. Единственное, можно сказать, украшение, не считая иконы напротив. Бабушка повесила. А я, хоть и не набожный, снимать не стал — зачем человека расстраивать?

Я стащил рубашку, подошел к рукомойнику и плеснул в лицо воды — холодной, с привкусом ржавчины. Грязные ручейки потекли в подставленный снизу на табуретке таз, а я возился, пока руки не онемели — и только тогда заметил, что едва чувствую холод.

Потом вытерся полотенцем и мельком взглянул в зеркальце с отколотым углом. Маленькое, мутное — такое только побриться сойдет, перед выходом на службу. Рассматривать в него без толку вроде как... А я все равно смотрел, сам не понимая зачем.

Щетина отросла — ну, бывает. Волосы на месте, торчат во все стороны. Роба знакомая, чуть смуглая — татарская кровь по материнской линии. Глаза мои, карие, с прищуром.

А вот взгляд — не мой.

Другой какой-то, сосредоточенный и тяжелый, будто не я смотрю на отражение, а оно на меня. Мы стояли друг напротив друга — я и тот, в зеркале, и откуда-то вдруг взялось ощущение, что он даже глядит не в глаза, а в сторону. То ли мне за спину, то ли еще куда — в самую комнату. Изучает, как я живу.

Я зажмурился, тряхнул головой, а когда открыл глаза, все вернулось на место. Наваждение исчезло, и второй Булатов в зеркале смотрел ровно, как ему и положено. Разве что улыбался самую малость, хотя веселиться было не с чего.

Раздумья прервал стук. Осторожный, робкий — будто барышня пожаловала. Только откуда бы ей взяться? Давненько тут барышень не бывало, как бы не с самой зимы. Скоро вообще забуду, как они выглядят, с этой службой.

— Открывайте, — я натянул чистую рубашку и застегнул пару пуговиц на груди, — не заперто.

Дверь приотворилась на вершок, и в щели показалась знакомая борода. Глаза снова блеснули из темноты, как тогда во дворе, и на этот раз я и не подумал, что такое могло померещиться.

Степаныч наверняка уже сообразил, что я увидел куда больше положенного. И теперь стоял в коридоре и смотрел на меня. Долго, пристально, будто никак не мог решить, что ему делать — то ли зайти, то ли убраться к себе в дворницкую от греха подальше.

— Я тут это... — Он переступил с ноги на ногу и осторожно протянул через порог сверток из газетной бумаги и жестяной чайник. — Калачей принес, ваше благородие. И кипяточку.

Знакомиться пришел, что ли?.. Второй раз — уже по-настоящему. Только все равно сомневался, и еще как сомневался, что оно ему вообще надо. Да и мне... Бог его знает, кто такой в гости пожаловал. В тени прячется, глаза как у кошки, а с виду обычный дворник. Пока не приглядишься — и не поймешь.

Значит, надо приглядеться.

— Заходи, Егор Степаныч. — Я посторонился. — Чайку попьем.

На лице дворника мелькнул испуг, будто я не чай предложил, а пройти в кабинет для дознания на Гороховой. Но спорить он не стал. Переступил порог, постоял и огляделся. Осторожно, но внимательно, словно искал что-то.

И только потом прошел в комнату и сел. На краешек стула, положив сверток на стол. Я достал жестяную банку с заваркой. Степаныч молча разлил кипяток по кружкам, разломил калач — половину мне, половину себе, а рядом поставил крынку молока. Откуда он ее достал, я не уследил — только что обе руки были заняты.

Ничего себе фокусы.

Несколько минут мы сидели молча. Степаныч пил чай, осторожно касаясь губами кружки, чтобы не обжечься, а я разглядывал. Не таясь — чего тут стесняться, раз уж такое дело...

При свете лампы дворник выглядел... иначе. Может, и похожим на обычного мужика за пятьдесят, однако не совсем. Морщины на лице лежали слишком ровно, будто их не время наработало, а кистью нарисовали. Кожа на руках сухая, в трещинах, но трещины какие-то неживые, ненастоящие. А лицо...

Вот оно-то и было самым странным. Словно под бородой и морщинами пряталось совсем другое — простое, гладкое, с мелкими чертами. Как у ребенка, который враз состарился, не успев побывать моим ровесником.

Я пять лет видел дворника каждое утро — и не замечал. А сейчас сидел напротив и не мог понять, как такое вообще можно не заметить.

Степаныч поежился, чуть втянув голову в плечи. Потом отвел глаза, но заговорил первым, видимо, ждать ему было совсем уж неважно.

— Так что ж получается, ваше благородие, — он уставился в кружку, — видите теперь?

— Видеть-то вижу, — усмехнулся я. — Только понять не могу, что ты за особый гражданин. Я из вашего брата пока мало кого встречал. На полевика не похож, на черта, слава богу, тоже. — Я помолчал, отламывая кусок калача, и почти наугад бросил: — Домовой?

— Так и есть, ваше благородие. — Степаныч кивнул. — Как построили дом в сорок восьмом, так тут службу и нес. А до того у купца в Тобольской губернии жил.

Значит, угадал. И с этим особым гражданином, в отличие от всех прочих, мне повезло. Домовой — не хищная тварь и не вредная. А судя по тому, как Степаныч помогал все пять лет, что я здесь жил, — даже полезная.

Интересно, много их тут таких?

— Скажи, — я поставил кружку и облокотился на стол, — а ты один дворником служишь? Или вы... все?

— Ну, один не один, — Степаныч почесал бороду, — но на весь околоток таких и пяти не наберется. Среди людей жить — это ж и силу иметь надо, ваше благородие, и опыт. Те, что постарше, умеют такое обличие держать. А остальные... — Он качнул головой. — Кто котами по крышам ходит, кто вообще прячется. Сидят себе за печкой, как деды завещали, и без надобности не вылезают даже.

Я тут же вспомнил рыжего котяру, который уже третий год жил где-то на чердаке и по весне орал так, что штабс-капитан грозился его застрелить. Интересно...

— Только, как по мне, не дело так. Если уж взялся большой дом беречь — значит делай, не отлынивай. — Степаныч вдруг улыбнулся, пожалуй, в первый раз на моей памяти. — Иначе ж какая это служба. Верно я говорю, ваше благородие?

— Верно. — Я кивнул. — Служба — дело такое. И чем ты занимаешься? Не только же двор метешь?

— Да всякое делаю. — Степаныч пожал плечами. — Двор в порядке держать положено — еще и лестницу, и подвал. Где в печке трещина — знаю раньше, чем все дымом затянет. Где крыша подгнила — слышу, она стонет. А ночью, когда тихо, весь дом слышу. Кто спит, кто не спит. Когда кто болеет тяжело — сам места не нахожу, пока не отпустит.

Я снова вспомнил ту зиму, когда лежал с простудой, а дрова появлялись как по волшебству. Вот, значит, откуда это берется. Не просто доброта, а другое что-то, не наше, не человеческое.

— И от дома мне не отойти. — Степаныч посмотрел в окно. — До ворот — легко. До угла — еще ничего. И то тянет обратно, и тяжелесть начинается. Так что я, ваше благородие, дальше двора и не хожу почти.

Он смолк, и несколько минут мы сидели и просто потягивали чай. Вопросов у меня, конечно же, имелось в избытке, но дальше выпытывать у домового было как-то неловко — не в отделении все ж таки. Да и чего узнаешь, если Степанычу от дома и не отойти толком? Сам небось про все дела в городе только из газет и узнает, если грамоте обучен.

А если нет... Ну, тут только если кто из соседей заглянет. По крыше, на четырех лапах.

Не знаю, часто ли домовые ходят друг к другу в гости, но в моих апартаментах Степанычу явно было не по себе. Он ерзал, то и дело косясь в сторону двери, а на меня смотрел...

Не как Васька на Апрашке, конечно. И не как черти в трактире, но тоже — с опаской.

Из-за службы? Видел, что я с Полоцким приехал, и теперь осторожничают? А может, и в другом дело, попробуй тут разбери.

— Я это... Пойду, наверное, ваше благородие. — Степаныч поднялся и забрал со стола наполовину опустевший чайник. — Еще двор мести надо, то да се...

Я взглянул в окно. Дождь уже лил вовсю, так что никто в своем уме — ни человек, ни даже особый гражданин — на улицу бы не сунулся. Но у домового, похоже, имелись свои причины не засиживаться в гостях, и задерживать я его не стал.

Степаныч ушел — тихо, будто его и не было, а я плюхнулся на диван с недопитой кружкой и устался в потолок.

Что ж за день со мной приключился? Утром проснулся у его высокородия статского советника, хотя по всему должен был лежать в покойницкой. Потом — Апрашка, карты с чертом, великан-чухонец... А под вечер — чай с домовым в собственной квартире.

А завтра что будет? Хотя, пожалуй, лучше не загадывать.

Но главное — Полоцкий. Его высокородию по чину полагалось знать об особых гражданах все или почти все, однако делиться он явно не спешил. И не из вредности, не потому, что жалко было, а потому...

Да кто ж его знает — на то и целый статский советник, чтобы соображать в тех вещах, о которых нам, простым сыскарям, даже думать не положено. И вроде ничего особенного — на Гороховой тоже так было, но меня не покидало ощущение, что Полоцкий где-то кривил душой. Не просто промолчал, а сказал не то. Может, и не обманул, но...

Но что-то не складывалось, и понять я пока никак не мог. Это по шпане сразу видно, когда врет — рожу кривит, глаза бегают. А Полоцкий — не шпана, а без пяти минут генеральского разряда чин. Такой если и соврет — не заметишь.

Задумавшись, я не заметил, как задремал. Только вместо того, чтобы просто уснуть, вдруг будто провалился сквозь пол куда-то вниз. И разом почувствовал дом — весь, от подвала до чердака. Каждую стену, каждую балку, каждый ржавый гвоздь.

Штабс-капитан кашлял на втором этаже, и кашель отдавался у меня в ребрах. Приказчик наверху стянул сапоги, уронил один — и будто прямо тут, в комнате.

Соседний дом я тоже чувствовал. Но как чужое плечо в толпе. Видел мокрую мостовую, подворотню и водосток. Только не глазами, а чем-то другим, для чего у меня слова не нашлось.

Газовый фонарь горел на углу. Огонек мерцал за пеленой дождя, маленький и упрямый, — и я потянулся к нему. Из чистого баловства, как мальчишка тянется к яблоку за чужим забором. Просто потрогать, а то и сорвать, если хозяин не заметит.

Огонек дрогнул.

ГЛАВА 9

Проснулся я, когда кружка свалилась с дивана.

Бурая лужица расползлась по полу, но так и осталась размером с пятак: выливаться было уже, можно сказать, и нечему. Я то ли допил чай еще за столом, то ли прямо тут. А потом заснул, и кружка в конце концов выпала из рук, будто решила вздремнуть вместе с хозяином, да не удержалась.

Но разбудила меня, похоже, все-таки не она.

А голоса с улицы. Эхо бродило по двору-колодцу, отражаясь от стен и гулко перекатываясь между этажами — кто-то спорил внизу, в подворотне. С одной стороны, ничего особенного, мало ли кому приспичило поругаться с утра пораньше. Тем более что неведомые господа, хоть и сердились, но все же беседовали не слишком громко, явно с уважением к тем, кому еще полагалось спать в...

А во сколько?

Часов на стене у меня отродясь не водилось, вместо них уже какой год висел клыч. Так что пришлось искать хронометр по карманам сюртука, который я вчера бросил на спинку стула, да так и оставил.

Восемь с четвертью.

Это сколько ж я продрых? Выходило в полтора раза против обычного — за четыре с лишним года в сыске привык вставать затемно и просыпался обычно еще до того, как Степаныч начинал возиться во дворе.

Уже скоро Тришка с Полоцким приедут, а я... Брюки мятые, и сам не лучше.

Я заметался по квартире, собираясь впопыхах. Умылся над жестяным тазом, плеснув холодной водой в лицо, чтобы прогнать остатки сна. Брился торопливо, на ощупь, уставившись в стену над рукомойником. Зеркальце висело тут же, на гвозде.

Но смотреться в него мне сегодня почему-то не хотелось.

А голоса внизу между тем становились все громче. И я уже узнал Степаныча — тот был чем-то явно недоволен. А точнее, кем-то, явившимся ни свет ни заря. И ведь наверняка по мою душу. Разумеется, дворник вполне мог ругаться и на торгаша, и на какого-нибудь бродягу, облюбовавшего неположенное место. Однако я почему-то изрядно сомневался.

Слишком уж много за последние сутки странностей.

Я глянул во двор. Никого — только стены в четыре этажа, веревки с бельем наверху и кот на крыше напротив. На Казначейскую выходило оконце из спальни, но и на тротуаре было пусто. Значит, сражение кипело где-то за аркой, в подворотне, а туда отсюда не заглянешь.

Перед тем как мчаться вниз, я все же глянул на фонарь. Тот самый, на углу, с которым я возился в странном сне. Он стоял, где ему и положено, и, ясное дело, уже не горел: фонарищик прошел часа три назад.

Привидится же ерунда. Наверное, оттого, что перед сном с домовым чаи гонял.

Я застегнул сюртук, накинул на плечи шинель Полоцкого, уже на ходу схватил с крючка у двери фуражку и выскочил на лестницу. Спустился во двор, прыгая через ступеньки, пересек его в пять шагов и нырнул в арку.

Степаныч стоял поперек подворотни с метлой в руках. И стоял так, будто за ним не двор доходного дома на Казначейской, а крепость, которую непременно следовало защитить от врага.

Напротив дворника, заслоняя утренний свет с улицы, возвышался Тойво.

Три аршина с лишним в высоту. Степаныч, хоть и раздулся, как бойцовый петух перед схваткой, доставал ему хорошо если до груди. Чухонец стоял молча, не шевелился, только голову наклонил чуть вбок — и на лице его застыло терпение.

Такое же безграничное, как сам Тойво.

— Сказано — нельзя! — сердито повторил Степаныч и перехватил метлу так, будто все-рез собирался ею кого-нибудь огреть. — Его благородие почивают. И нечего тут бродить!

— Надо, — отозвался Тойво. Совсем негромко, но это «надо» прокатилось по подворотне, как колокольный звон. — Не могу уйти.

— Не можешь — стой, — отрезал Степаныч. — А лезть не смей! Пока его благородие не проснутся — через мой двор никто ходить не будет.

Вчера вечером Степаныч сидел у меня на кухне и косился на дверь с опаской, будто готовился в любую секунду юркнуть в щель. А сегодня стоял посреди подворотни с метлой наперевес и не думал отступать.

Домовой есть домовой. И двор — его двор.

— Степаныч! — окликнул я из-за спины. — Ладно тебе ругаться. Встал я уже.

Дворник обернулся. Глянул на меня, потом снова на Тойво, хмыкнул, но метлу все же опустил.

— Доброе утро, ваше благородие. А к вам тут... пришли.

— Вижу, — вздохнул я, разглядывая незваного гостя. — Ну чего тебе не спится, любезный? Чего приперся?

Тойво моргнул.

— Долг, ваше благородие.

— Да что ж ты никак не уймешься? — Я покосился на метлу в руках Степаныча. — Ничего мне от тебя не надо.

— Нельзя так. — Тойво насупился. — Вы выиграл. Значит — долг. Сказал буду, значит буду.

По-хорошему, то есть на обычном русском языке, чухонец, похоже, не понимал. И я уже вдохнул, чтобы объяснить ему на том наречии, что было в ходу на Сенной и Лиговке...

Вдохнул — и выдохнул, не сказав ни слова. При высоком начальстве ругаться не положено.

Полоцкий стоял у самого выхода из подворотни, привалившись плечом к стене. Шинель, фуражка, трость у ноги — его высокородие выглядел так, будто наблюдал за уличным представлением, которое ему решительно нравилось. Не знаю, когда он успел приехать, но явно еще до того, как я спустился: коляска выглядывала из-за широкой спины Тойво.

— Доброе утро, Сергей Иванович. А этот... гражданин, — мне очень хотелось сказать покрепче, еле сдержался, — опять появился. С самого утра.

— Удивительное дело. — Полоцкий понимающе кивнул. — Я думал, и до ночи не дождется. А он вон какой терпеливый. Богатырского, можно сказать, духа господин.

Я прищурился.

— Вы знали?!

— А чего тут знать-то? — Полоцкий выпрямился, отлипая от стены, и пожал плечами. — Говорил же тебе: у особых граждан долг считай что святое. Крепче любой цепи привяжет.

Говорил. Только вчера мне казалось, что это все... так. Ну, правила, традиции, мало ли как там у нечисти принято. Что любой долг можно простить или отменить на словах. Казалось даже, что великан-чухонец, хоть и не сразу, но сообразил, что в слугах я не нуждаюсь, да и вообще...

Выходит, не сообразил.

— Ну и зачем мне вот этот? — Я мотнул головой в сторону Тойво, который стоял молча. И, кажется, старался занимать как можно меньше места, что при его размерах выходило скверно. — На цепи тем более?

— Вот уж не знаю. — Полоцкий усмехнулся, мягко, чуть ли не по отечески. — Раньше надо было думать, Петр Алексеевич. Когда с чертом в пикет садился.

— Чего ж не предупредили, Сергей Иванович?

— А предупредил бы — что, не сел бы играть? — Полоцкий прищурился. — Оставил бы его рогатым воду подносить?

И ведь крыть-то и нечем. Не тот Петр Булатов человек, чтобы при нем всякая шпана порядочных людей мучила. Ну, или порядочную нечисть. Они ж тоже граждане, хоть и особые.

— Ну и что мне с ним делать? — вздохнул я.

— Придется взять, Петр Алексеевич. Пока при коляске будет — не тащить же его к тебе в апартаменты. — Полоцкий перехватил набалдашник трости второй рукой и чуть подался вперед. — А там уж решите промеж себя, сколько его служба продлится.

Тойво едва заметно улыбнулся. Плечи чуть расправились, голова поднялась на пол-вершка. Он хоть и был не самого большого ума, похоже, сообразил: с начальством я спорить не стану.

Да и чего спорить-то? Все равно эту махину от меня теперь палкой не прогонишь.

— Кучер, говоришь? — Я окинул Тойво взглядом с ног до головы, вспоминая вчерашнюю беседу. Не самую, надо сказать, продолжительную. И покосился на Полоцкого. — С лошадьё он, пожалуй, управится... А Тришку вашего куда девать?

— Ну, это мы сейчас вмиг решим. — Его высокородие повернулся к улице и рывкнул на всю подворотню: — Тришка!

Что-то загрохотало, коляска дернулась, и шиш тут же появился перед хозяином, прогрохотав по булыжнику здоровенными сапожищами.

— Сегодня гуляешь, — объявил Полоцкий. — Ступай.

— Гуляю, вашсокродие? — Тришка захлопал глазами. Само слово он наверняка знал, однако осмыслить происходящее почему-то не смог. Поэтому, видимо, и выпалил по привычке: — Дай копеечку!

Я думал, Полоцкий в очередной раз обойдется щелчком по уху, которое как раз кстати торчало из-под фуражки. Но вместо этого его высокородие вдруг хмыкнул, полез в карман и, порывшись, достал монету.

И не какую-нибудь, а целый гривенник — десять копеек серебром.

Тришка вытаращился. Поймал подачку прямо на лету, прижал к груди и уставился на хозяина снизу вверх — с восторгом, но одновременно и с подозрением, будто ждал, что тот сейчас передумает и отберет.

— Ну, беги уже, — буркнул Полоцкий. — И чтоб к вечеру был как штык. Не то...

Договорить он не успел. Тришка сорвался с места и понесся по улице так, что едва не потерял оба сапога. Мелькнул за углом и исчез, подхватив слетевшую с головы фуражку.

— Много дал... Напьется ведь дурак, — тоскливо вздохнул Полоцкий. И повернулся к Тойво. — Ладно. Показывай, чего умеешь.

Чухонец подошел к лошади. Та покосилась на него — сперва одним глазом, потом развернула голову и уставилась обоими. Ноздри раздулись, ухо дернулось. Я уже приготовился к тому, что каурая встанет на дыбы — попробуй тут не испугаться, когда рядом такая громадина! — но Тойво положил ладонь ей на шею.

И погладил широкой, темной, шершавой рукой, похожей на кусок гранита. Каурая замерла, снова дернув ухом, потом фыркнула, мотнула головой — и успокоилась.

— Ну, может, и ничего. — Полоцкий улыбнулся и покачал головой. — Авось не перевернемся.

Тойво походя провел ладонью по лошадиной спине и полез на козлы. Коляска скрипнула, проседая на рессорах, что-то жалобно хрустнуло, но, похоже, все-таки выдержало. А новоиспеченный кучер устроился, выпрямился и разобрал вожжи — видно было, что сидел так не раз.

— А куда поедет-то, Сергей Иванович? — Я забрался в коляску следом за Полоцким и сел напротив. — На Гороховую, может, надо? Или?..

— Тут вот какое дело, Петр Алексеевич. Я и сам пока не знаю, куда именно. Но ты меня вчера на дельную мысль натолкнул. Помнишь, говорил, что искать надо не как попало, а по полнолуниям?

— Так точно, — кивнул я, — помню.

Еще бы не помнить, сам же и предложил.

— Ну вот. — Полоцкий вытащил откуда-то из-под сиденья картонную папку на тесемках, с казенным штампом и полустертым гербом. — Я и велел своим по участковым приставам прогуляться. Везде, от Выборгской до Коломны.

Ничего себе. Я, конечно, догадывался, что у его высокородия имеются люди в подчинении. Но и подумать не мог, что они за один вечер обойдут два десятка полицейских начальников. А ведь кого-то, должно быть, и ночью подняли — не всякий пристав допоздна на месте сидит.

И ни один не отказал. Меня бы с такой просьбой послали куда подальше. Еще бы и на Гороховую сообщили, что, дескать, ваш человек в чужие бумаги нос сует. А тут — пожалуйста, милости просим.

Серьезная контора у Полоцкого. Как бы не посерьезнее, чем я думал.

— Вот это правильно, Сергей Иванович! — Я почувствовал, как внутри шевельнулось что-то знакомое — азарт. — И как? Нашли чего?

— Всякого нашли. — Полоцкий протянул мне папку. — Только ведь сразу и не разберешь. Бумаг много, а голова у меня одна. Ты своим глазом погляди, Петр Алексеевич, может, сообразишь.

Я развязал тесемки, вдыхая знакомый запах чернил и канцелярского клея. Внутри ожидали где-то три десятка листов с разными почерками — от аккуратного писарского с завитушками до такого, что слов не разберешь.

Заключения врачей, рапорты и протоколы осмотра на гербовой бумаге с печатями. Подобные документы я знал, сам мог бы составить, даже не просыпаясь. Поэтому и видел сразу, куда смотреть, а куда и незачем.

— Тойво, — скомандовал Полоцкий, — давай-ка трогай. Потихе только, а то его благородию тут читать надо.

Великан щелкнул вожжами, и каурая взяла с места ровным шагом. Коляска качнулась на булыжнике, свернула в переулочек к каналу, и мимо потянулись знакомые фасады: лавка зеленщика, ворота с облупившейся краской, тумба с афишами — оперы какие-то, все сплошь итальянские фамилии.

— Это, — я отложил первый лист, — явно не то, Сергей Иванович. Далеко, за Обводным нашли. А наш душегуб в центре охотится. Видать, на окраинах публика невкусная.

Полоцкий хмыкнул, но промолчал. Ждал.

Второй лист. Третий. Ножевые, ножевые — раны ровные, гладкие. Явно не когти, эту дрянь ни с чем не спутаешь. Четвертый — пьяная драка, околоточный даже место осмотра толком не описал. Пятый... Нет, тоже мимо — петля, висельник, другая история.

Коляска подпрыгнула на ухабе, и я чуть не выронил папку. Ухватился, сложил листы обратно и взялся за следующую стопку — рапорты городских. Кто нашел, когда, при каких обстоятельствах. Коротко и до того безграмотно, что плакать хотелось. Но именно среди этого канцелярского хлама и попадалось иногда настоящее.

Вот оно!

— Сходится, — сказал я и подался вперед, показывая документ. — Нашли во дворе между Разъезжей и Большой Московской. Месяц назад — и число совпадает с гувернанткой. Тот же самый день.

— Верно говоришь. Соседний от Гороховой околоток, поэтому тебе эта бумага и не попала. — Полоцкий прищурился, вглядываясь. — Там еще написано, что городской кого-то заметил.

— Поблизости видел высокого мужчину в шинели... так... убежал в подворотню, — прочел я вслух, водя пальцем по строчке. И перед глазами сразу мелькнула уже почти забытая картина: темнота и вытянутый угловатый силуэт на фоне фонаря. — Вот он, голубчик.

— Фамилия городского есть, околоток есть. Поехали, Петр Алексеевич, потолкуем со служивым. — Полоцкий откинулся на спинку. — Тойво! Где Большая Московская — знаешь?

— Знаю, барин, — отозвался тот, шелкнув вожжами.

Слово проскочило ровно, без запинки. Видать, великан и правда немало трудился извозчиком, раз успел привыкнуть: кто в коляске сидит, тот и барин. Полоцкий, разумеется, поправлять не стал, больно ему надо учить манерам какого-то там... особого гражданина.

Каурая прибавила ходу. Снова замелькали фасады — серые, желтые, бурые, — а потом справа блеснула Фонтанка, и на том берегу показался знакомый дом с лепниной на углу. Я там когда-то брал показания у ювелира, которого обчистили через чердак.

Года с тех пор не прошло — а будто сто лет назад.

— Сергей Иванович, а волки эти? — Я спрятал бумаги обратно в папку и завязал тесемки. — С ними-то как быть? Опросить бы надо по-хорошему.

— Да чего там опрашивать? — Полоцкий поморщился. — Я самому волчьему старосте вчера вечером с Тришкой записку отправлял.

— Это у них, получается, целый староста есть? — Я почему-то тут же представил себе крупного седого мужика. Здоровенного, с Тойво ростом — только с желтыми глазами и вытянутой звериной мордой. — Вроде как самый главный волколак в городе?

— Главный? — Полоцкий приподнял бровь и улыбнулся, будто я сказал что-то забавное. — Ну... вроде того.

— И чего он?..

— Да ничего. Пишет, приезжих сейчас нет. Местные тихо сидят. — Полоцкий вздохнул и расстегнул верхнюю пуговицу на сюртуке. — А что какие-то господа на рынке вчетвером были — так это регламентом не воспрещается.

— Брешет, — буркнул я. И тут же поправился: — То есть... врет он, Сергей Иванович. Своих покрывает. Вы говорили — волки не шпана. А нравы те же самые. Пока за руку не поймает — все без толку.

— Может, и врет. — Полоцкий развалился на сиденье. — Но что ты с ним сделаешь? Пока за руку не поймал... Так что нам теперь только к городскому и остается.

Я молча кивнул. Понятно, значит, работаем. А придет время, разберемся и с волками, и со старостой их зубастым.

Коляска свернула с Загородного на Разъезжую. И вокруг сразу стало тише — улица узкая, да и народу поменьше, хоть город уже и успел проснуться. Окраина центра — не Сенная площадь, не Лиговка, но уже и не Фонтанка с ее набережными.

Тойво правил молча, не оглядываясь. Широкая спина легонько покачивалась, когда коляска переваливалась по булыжной мостовой, здоровенные ручищи держали вожжи, и каурая шла ровно, не дергаясь. Что бы там ни было с этим чухонцем, с лошадьми он и правда ладил.

И Полоцкий будто даже успел чуть задремать, когда впереди, за поворотом на Большую Московскую, вдруг раздался шум. Только не тот, что бывает, когда две телеги не могут разъехаться в подворотне.

Резче, злее. Крик, потом второй, потом сразу несколько, вразнобой. То ли драка, то ли еще чего похуже. Народу на улице было немного, и я увидел, как впереди, шагах в ста, кто-то метнулся с тротуара и нырнул под арку. Быстро нырнул, не оглядываясь.

И в руке у него что-то блеснуло. Далековато, чтобы разглядеть, но я, по правде, и не нуждался: с бутылкой в гости так не спешат — даже если совсем уже не терпится.

— А ну-ка прибавь ходу! — Я привстал и хлопнул Тойво по плечу. — Гони!

ГЛАВА 10

Великана не пришлось просить дважды.

Он не закричал, не щелкнул вожжами — только сказал что-то негромко, по-чухонски, и каурая рванула с места так, будто в оглобли поставили целую четверку. Коляску подбросило на булыжнике, меня мотнуло к борту — еле удержался.

А мимо уже летели стены домов с вывесками и фонарными столбами. Народ шарахался в стороны. Цыганка в цветастом платке прижала ребенка к подолу, какой-то малый выронил корзину — яблоки посыпались по мостовой, прыгая по булыжникам, мужик с тележкой отпрянул к стене. Тойво обогнул его, даже не шелохнувшись на козлах, и коляска каким-то чудом вписалась в просвет между тележкой и фонарным столбом.

Хороша лошадка. Да и кучер наш новый — колдун, не иначе.

Выстрел ударил сердито и гулко. Из подворотни, той самой, куда нырнул человек с ножом. Голос «смига» я узнал сразу. Серьезный калибр — не какой-нибудь пугач, которым только собак отгонять. Эхо от грохота ушло вверх, к крышам, теряясь за воплями почтенной публики вокруг, и я на мгновение замер на сиденье, ожидая.

Но так и не дождался. То ли второго выстрела не понадобилось, то ли стрелять было уже некому.

— Стой!

Я снова хлопнул Тойво по плечу. И не дожидаясь, пока он натянет вожжи, махнул через дверцу коляски. Прямо на ходу, едва не заехав в лоб ботинком какому-то перепуганному господину. Мостовая ударила в подошвы, и я рванул к подворотне. Народ тут же расступился на пути, за спиной заорал Полоцкий — велел не лезть, наверное... Или просто ругался.

Я не расслышал, не до того было.

Подворотня встретила меня полумраком, запахом сырого камня и чего-то кислого. Двор проходной: взгляд сразу зацепил арку в дальнем конце, а за ней серый прямоугольник соседней улицы, шагах в сорока.

Но случилось все прямо здесь. У стены справа застыла фигура в темно-зеленом форменном кафтане. Городовой — оранжевый кант по воротнику и обшлагам, шаровары, сапоги и пашка на поясе. Он стоял, держась руками за живот, но голова уже свесилась на грудь. Рядом у подкосившихся ног валялся револьвер — из него-то, видимо, и стреляли.

Сам городской. И выстрелил он, кажется, мимо.

Пятеро парней в поддевках и картузах стояли ко мне боком, будто нарочно выстроившись у поверженного городского полукругом. И уже прямо над сползающей по стене фигурой — шестой. Чуть постарше остальных, да и одет побогаче — в суконную тужурку военного кроя, с мягкой фетровой шляпой на голове.

Он-то и держал в руке нож. И держал правильно — низко, у бедра. Наверняка достал из-за спины уже подходя. Так, что бедняга городской едва ли успел заметить, как остро отточенное лезвие вошло ему в живот по самую рукоять.

— Стоять! — заорал я. — Полиция!

Крикнул и тут же сообразил, что один. Коляска с Тойво и Полоцким осталась на улице. Без револьвера, даже без трости или палки какой-нибудь — куда уж тут драться.

А ведь придется. Порою в подворотнях одно только слово «полиция» работало не хуже кулака, но тут господа попались не из пугливых. И сразу видно, что не шпана: обычные мазурики с Сенной или Лиговки городских не трогали, даже когда совсем прижимало: знали, что за такое положено.

А эти полезли.

Главарь с ножом без спешки развернулся в мою сторону. Ухмыльнулся — и ухмылка у него вышла уж очень нехорошая.

— Полиция, говоришь? — Он оглядел меня с головы до ног, будто прицениваясь. — Ну давай, полиция. Лови, если смелый.

Он еще не успел даже кивнуть своим, как все пятеро тут же рванули к арке напротив. Разом, слаженно — видно, что не впервой. Главарь тоже развернулся и побежал, но как-то без спешки, чуть ли не вразвалочку — видимо, решил, что один сыскарь без оружия ему не страшен.

Ну, это мы еще посмотрим!

Я бросился за ним. Старшего бери первым, остальные сами приползут, если нажать как следует. Привычка оказалась крепче здравого смысла, и слава богу: думать мне сейчас было некогда.

Догнал я главаря в три прыжка. Вцепился в рукав тужурки и рванул на себя, стараясь ненароком не напороться на лезвие, вот только и левая рука у парня оказалась как бы не пострашнее той, что с ножом. Ударил он снизу, под ребра — коротко и точно, явно со знанием дела. Как кувалдой врезал, хотя с виду не богатырь, да и ростом пониже меня.

Аж в глазах потемнело. Что-то под шинелью хрустнуло, и я думал, упаду — а нет, стою. И сила никуда не делась, только в боку горит, будто каленым прутom приложили. Я ударил в ответ — правой в челюсть. От бедра, по-деревенски, какой уж тут английский бокс. Зато крепко ударил, и попал как положено — после такого не встают.

А этот едва дернулся. Мотнул головой, сплюнул и уставился на меня — а глаза уже желтые. Не карие, не серые, не зеленые даже — янтарные, и не двигаются почти. Даже взгляд другой стал, у человека такого не бывает.

Ну, понятно. Особый гражданин. В прошлый раз кто-то из его родни едва не выпустил мне кишки на Сенатской, и по уму надо бы было испугаться, а почему-то не вышло. То ли оттого, что страх куда-то подевался с той самой ночи, то ли потому, что этот волколак пока еще выглядел как человек. И дрался по-человечески.

А уж с людьми-то мы работать обучены.

Я заметил, как пальцы на его левой руке дернулись, ногти будто поплыли и потемнели, удлиняясь. Хотел когти выпустить, но передумал — или не позволил себе. Перехватил нож поудобнее и шагнул вперед. Тоже скверно, но тут хотя бы понятно, что делать: не первый раз и, будем надеяться, не последний.

Я сдернул с плеч шинель — ту самую, что так и не вернул Полоцкому, — и бросил на руку с ножом. Ткань повисла на лезвии, клинок увяз, и я кое-как перехватил запястье через складки и дернул вниз.

Уж простите, ваше высокородие, мне своя шкура генеральского сукна дороже.

Волколак сердито зарычал — низко, утробно, будто уже и не человеческой глоткой, а звериной, — и рванул руку. Нож прошелся по шинели, ткань затрещала, но все-таки удержала, не выпустила смертоносную сталь, и дальше мы дрались уже на равных.

Хотя легче, надо сказать, не стало. Пальцы у волколака держали как клещи, а бил он так, что дюймовая доска бы пополам треснула. Я получил по скуле, по уху, сам попал ему локтем в горло, и мы покатались по земле, поднимая пыль и оставив где-то по пути фуражку со шляпой.

До самой стены, и там волколак оказался сверху. Навалился, прижал коленом, и я увидел совсем близко лицо, уже мало похожее на человеческое: клыки длинные, белые, десны набухшие, а пахло из пасти чем-то густым и звериным, от чего хотелось держаться подальше.

Вот только деваться было некуда: волколак сжал мне горло. Сильный, сволочь, — и не как кузнец или грузчик, а совсем иначе, будто под тужуркой у него вместо мышц стальные канаты. Злобная морда уже расплывалась перед глазами, и я уперся плечом в стену, а ладонями — обеими сразу — волколаку в грудь, чтобы хоть немного ослабить хватку.

Тяжело. Как телегу поднимаю, и не простую, а кирпичом груженную. И вроде и не по силам такое человеку, и воздуха в груди уже не было — а справился. Всего на одно мгновение, но пальцы на горле разжались, и в янтарных глазах напротив мелькнуло удивление.

Я кое-как высвободил левую руку, вцепился волколаку в волосы на затылке — и приложил головой об стену. Со всей мочи, какая осталась. Что-то хрустнуло — то ли кирпич, то ли кости, попробуй тут разбери, — и дышать тут же стало легче. Я ударил снова — послабее, чем в первый раз.

Но и того хватило. Волколак обмяк и навалился на меня всем весом — тяжелый, мокрый и уже неподвижный. Я кое-как спихнул его, выбрался и сел у стены, привалившись спиной к кирпичу.

Ребра справа горели. Горло саднило. Костяшки на обеих руках сбиты в кровь, шинель — вон она, на булыжнике, в пыли, разрезана ножом от ворота как бы не до середины спины. Совсем пропала, тут и шить уже без толку — зато сам живой.

И только когда перед глазами наконец перестали лихо отплясывать цветастые кляксы, я сообразил, что дрался не один. Тойво добрался во двор позже меня, но, как и положено извозчику, запрягал долго, а ехал быстрее некуда. И пока я возился со старшим волколаком, он отбивался от троих разом.

И неплохо, надо сказать, отбивался. Один уже лежал на булыжнике, скрючившись. Второй отходил к арке, прихрамывая и волоча левую ногу, и видно было, что драться ему совсем уже не хочется. Но третий вдруг перестал кружить по двору и рванул вперед, на ходу доставая что-то из кармана поддевки.

— Тойво, берегись!

Я бросился было на помощь, но ноги не слушались — еле поднялся, куда там скакать. И волколак успел первым. Нырнул под здоровенную ручишу, ударил снизу, в бок, выцеливая острием печень — и достал-таки. Нож ушел под армяк чуть ли по самые пальцы.

И лязгнул — будто не в тело, а по камню попал. И некогда вроде было удивляться, но я успел заметить, как у волколака отвисла челюсть. Да и у меня, признаться, тоже.

А Тойво даже не поморщился. Отступил на полшага, размахнулся — и врезал так, что тощие ноги в яловых сапогах вдруг подлетели выше головы. Волколака швырнуло в сторону арки, за ним, прихрамывая, направился второй. А потом поднялся и третий, и побежал — только подошвы простучали по булыжнику.

— Ты как? Живой? — Я кое-как доковылял до Тойво и принялся елозить руками по одежде, выискивая кровь. — Куда ткнул?!

Великан глянул на меня сверху вниз — спокойно и даже с некоторым удивлением. А вот собственное здоровье его, похоже, нисколько не беспокоило.

— Да ничего, ваше благородие. Мой шкура крепкий. — Тойво провел ладонью по боку и добавил с чувством: — Армяк попортил, паскудник!

И правда, дыра получилась изрядная, два пальца пролезет. А под ней ничего — ни пореза, ни даже царапины, крови и следа не было. Только на булыжнике у моих ног валялся кусок ножа — лезвие обломилось у самой рукояти. Край неровный, будто железо не выдержало и лопнуло. Не лучшее оружие, стало быть, и заточка так себе, но ломаться об ребро нож никак не должен...

Это если им нормального человека тычут, конечно, а не особого гражданина.

— Догнать бы этих, — вздохнул я.

Сделал шаг к арке, второй и понял: нет, не догоню. Ноги держали как положено, но в боку что-то скрипело при каждом вдохе, а волков уже и не слышно. Пропали, затерялись на соседней улице — как не было.

— Удрали? Тьфу ты...

Из двери напротив вышел Полоцкий. Не выбежал — именно вышел, явно никуда уже не торопясь. Сюртук расстегнут на верхнюю пуговицу, на плече серая пыль от стены, но сам как будто целый. Хотя подраться явно успел, раз уж прямо на ходу вытирал набалдашник трости платком.

— А вы, Сергей Иванович? — Я шагнул навстречу. — Поймали кого?

— Да куда там. — Полоцкий махнул рукой и спрятал платок. — Не те годы, чтобы за молодыми бегать.

Говорит, а сам даже не запыхался. Ни пятнышка на сюртуке, если не считать пыли. Ни царапины. От него, получается, двое на лестницу убегали — и ведь не убежали, сцепились. Молодые парни, наверняка у каждого или нож, или кастет, или еще чего похуже — вроде зубов с когтями. Я с одним-то еле справился, а Полоцкому хоть бы что. Вон, стоит — чистенький, спокойный, трость под мышкой. И на годы жалуется.

Крут его высокородие, ничего не скажешь.

— Шустрые, заразы, — Я кивнул в сторону арки. — Хотя одного городской подстрелить, может, и успел.

— Подстрелить-то, может, и подстрелил, — поморщился Полоцкий. — Да только помогло ему, сам видишь, не особо.

Я захромал к телу. Бедняга лежал у стены, скрючившись набок, — так и сполз, как я его видел минуту назад, только руки уже не держались за живот. Форма спереди потемнела от крови, и снизу по булыжникам растекалась густая темная лужица. Две раны — одна на вершок ниже пупка, вторая правее, под ребро. Знали, куда колоть — и не наугад, а с расчетом, чтобы уж наверняка на тот свет отправить....

В случайной драке так не тычут.

Я присел и приложил два пальца к шее, под челюсть.

Пульса нет. Кожа теплая еще, но это ничего не значит — я знал. Глаза полуприкрыты, лицо белое, с тонкими усами. Не старый, лет тридцать пять на вид. А может, и того меньше.

Поэтому и заметил, успел схватиться за кобуру. Выстрелил раз, второй уже не дали. А попал ли — бог весть. Крови рядом с городовой, кроме его собственной, как будто не было. Впрочем, волколака пулей не больно-то возьмешь, в этом я уже успел убедиться.

На своей, кстати, шкуре.

— Что ж такое делается... — Сверху скрипнула рама, и испуганный женский голос запричитал: — Городового средь бела дня убили!

Окно захлопнулось, и во дворе снова стало тихо.

— Не успели. — Я выпрямился и отряхнул колени. — Теперь только вот этого допрашивать, — я кивнул в сторону волколака, которого приложил головой об стену.

— Да как ты его допросишь? — Полоцкий приподнял бровь и мрачно ухмыльнулся. — Он и не дышит.

Как не дышит? Я всего-то раз стукнул. Ну, может, два — крепко, спору нет... но не настолько же!

Я подошел. Волколак лежал на спине, как я его спихнул — так и остался. Тужурка задралась, волосы справа мокрые, на стене чуть выше моего колена — темное бурое пятно. Зубы спрятались, глаза вернули цвет и теперь не мигая глядели куда-то вверх, будто высматривая что-то в синем прямоугольнике неба над крышами.

Самое обычное лицо. Человеческое.

— Как же так, Сергей Иванович? — Я на всякий случай пощупал шею волколака и выпрямился. — Вы же сами говорили — их так просто не убьешь.

Полоцкий прищурился и посмотрел на меня. Не как прежде, а будто прикидывая что-то про себя. Потом перевел взгляд на стену, где осталось темное пятно — и снова на меня.

— Мало ли чего я говорил, Петр Алексеевич, — вздохнул он, отворачиваясь. — Ладно. Сейчас приставу дела сдадим — и поедем.

С улицы доносился топот сапог, голоса. На стрельбу и шум уже сбегались городовые с соседних улиц, а за ними подтянется околоточный. Потом пристав — все как положено. Надолго задержать нас, пожалуй, не задержат — не по чину им статского советника бумагами всякими мурыжить. Да и допрашивать здесь уже, можно сказать, и некого.

Городовой мертв, волколак мертв. А остальные ушли, и лиц я не запомнил — не до того мне было, чтобы разглядывать.

— А куда ехать-то, Сергей Иванович? — Я подобрал с мостовой фуражку. — На Гороховую или?...

— А сам-то как думаешь? — Полоцкий, уже шагавший к подворотне, обернулся. — Шинель тебе купим. А потом в Контору поедем, рапорт писать. — Он застегнул верхнюю пуговицу на сюртуке и поправил ворот — аккуратно, не торопясь, будто и не стоял посреди двора с двумя покойниками. — Доложить надо, что зубастые совсем распоясались.

ГЛ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.